

МИХАИЛ ОГАРЕВ

«Ли Ле Ло»: детки из клетки

ПЕРВОЕ ДЕЛО

Михаил Огарев
«Ли Ле Ло»: детки из
клетки. Первое дело

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874504
ISBN 9785448374500*

Аннотация

Старинный городок, живущий «по понятиям»... Четверо фирмачей, кое-что умеющих в этой жизни... К ним приезжает пятый – тоже парень не промах. Но тут вдруг появляется шестой с бранью и угрозами! А за ним седьмой – с лестью и деньгами... И пятерым друзьям приходится «наехать» на восьмого, чтобы спасти фирму. А впереди уже маячат новые зловещие тени... Схватка с невидимым врагом. И неуверенность в своей команде – ведь у каждого «скелет в шкафу»! А миром вновь правит закон Моисея: «Око за око, и зуб за зуб»...

Содержание

1. Дато Гедехаури. Столица одной из автономий России, рынок	5
2. Ольгов. Улица Баркляя де Толли, дом два	26
3. Клиент в Зазеркалье	38
4. Грузин и азиатка	62
5. Психическая атака	92
6. Дипломатия силовая и логическая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	127

«Ли Ле Ло»:
детки из клетки
Первое дело

Михаил Огарев

*Вы, конечно, знаете историю, которая начинается следующим образом: обычный парень заходит в бар, и... Так вот, этот парень – я.
«M-r Destiny»*

© Михаил Огарев, 2017

ISBN 978-5-4483-7450-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Дато Гедехаури. Столица одной из автономий России, рынок (21-й век, август)

– Любезная, мне бы мандаринчиков с полкило, а?

«Любезная» с дебелой физиономией привокзальной буфетчицы зыркнула в мою сторону так, словно я имел наглость поинтересоваться размером её бюстгальтера (шестой, не меньше, если таковой вообще существовал в природе). Пробурчав что-то весьма неласковое, она принялась нехотя выполнять заказ, не сводя при этом с меня подозрительных глаз. Удивительно, как ей удавалось вслепую выгребать из ящика исключительно гнилые экземпляры? Не иначе, длительная тренировка...

Подумав, я очень вежливо сообщил о своём желании приобрести фрукты более аппетитного вида и качества. Поскольку его проигнорировали, пришлось наклониться и конкретно потыкать пальцем.

Мадама в белом торговом халате отменного серого цвета незамедлительно вцепилась в мою руку и отпускать никак не желала. Попутно её густо выкрашенные под свёклу уста начали с привычной сноровкой выдавать на всеобщее услышанье очень нехорошую информацию обо мне, о моих родственниках и знакомых, в частности, а заодно и обо всём на-

глом *Кавказе* в целом. Я даже и не подозревал, что произвожу с первого взгляда столь негативное впечатление!

Поймав паузу, на которую пришлось мощный заглот очередной порции воздуха, необходимой для продолжения в одностороннем порядке склоки, я вежливо поинтересовался:

– Куропаточка ты моя, сизокрылая, у тебя, наверное, климакс?

Воспользовавшись минутным оторопением (или как там правильно будет по-русски?), я с трудом вытянул из её кулака покрасневший палец и принялся озабоченно его осматривать. А означенная птичка, придя в себя, вскинула свою увесистую лапку и что есть мочи заколотила ею о прилавок.

– В одном из фантастических романов Ивана Ефремова этим жестом инопланетяне выражали одобрение, – сообщил я. – Вы с ними солидарны?

В ответ на это коллеги мандариновой продавщицы дружно поддержали её таким же настойчивым хлопаньем. Я поочерёдно одарил их вопросительными взглядами, а напрасно: стоило обратить самое пристальное внимание на свой тыл. Ибо там, как нечистые из пресловутой табакерки, вдруг возникли трое амбалов в турецкой коже с напуском на вьетнамские тренировочные штаны. Ростом, примерно, с меня – то есть, около ста восьмидесяти – а вот весом килограммов на десять побольше. Каждый под девяносто или чуть тяжелее.

– Чего хулиганишь, чёрный? – прогудел крайний слева. –

Или захотел авансом в лоб, а затем пинка под зад? В качестве окончательного расчёта?

– Мальчики, а вы в курсе, что для рыночных вышибал ваш азиатский прикид несколько устарел? – вкрадчиво осведомился я. – Сейчас в моде исключительно розовые смокинги и банные тапочки на босу ногу! Компрене ву?

На сей раз мой русский без малейшего акцента да с настоящим французским грассированием в последних словах прозвучал настолько безукоризненно, что троица несколько опешила. Крайний справа даже выдвинулся немного вперёд и пристально в меня впилился.

К сожалению, особо примечательной внешностью я не мог похвастаться. Обычный широкоплечий грузин в чёрном вельветовом костюме без галстука, с пышными усами, классическим носом с горбинкой и – увы – типичными для нашей нации залысинами в зрелом сорокалетнем возрасте. А уж на мою бывшую принадлежность к спецконтингенту МВД Российской Федерации и вообще ничего не указывало.

Желание «мочить!» отразилось на угреватом фейсе паренька столь отчётливо, что необходимо было срочно подготовиться к адекватным мерам. Я проделал это вполне незаметно и поэтому *споткнул* первого нападавшего быстро и без усилий. Он грузно грохнулся на пол и пребольно ушиб коленку о некстати подвернувшийся камень, а подбородок ещё обо что-то.

В мою челюсть уже летел кулак второго, который я, увер-

нувшись, отклонил, а затем не отказал себе в удовольствии направить его хозяина темечком прямиком в весы с гнилыми мандаринами. Эта шалость обошлась мне в могучий «прямой правой» по корпусу от центрального – увернуться никакой реакции не хватило бы.

Согласно всем канонам восточных единоборств, я поддался грубой, тупой силе и, откинувшись назад, спиной перевалялся через прилавок без особого для себя ущерба. Попутно я плюхнулся на скорчившуюся в три погибели голосившую продавчиху, чем и заставил, наконец, её замолкнуть.

Едва я выпрямился, как в воздухе мелькнула увесистая дубинка – да не резиновая, а стальная! И все остатки моего благодушия мигом улетучились неведь куда.

Разворот корпуса на девяносто градусов с отскоком назад – смертельное оружие с коротким свистом таранит пустоту и врезается в стол. Блок левой рукой сверху, резкий удар правой снизу по локтевому суставу – и очередной пронзительный вопль, теперь уже мужской.

Самое время сматываться. Канать, делать ноги, чесать без оглядки, врать когти... Бежать и в темпе, подальше от гильдии этих коммерсантов-разбойников.

Пригнувшись почти до пола, я понёсся обезьяньими прыжками по проходам между прилавков – женский торговый люд с визгом уступал мне дорогу. И на том спасибо.

Вырвавшись, в конце концов, на простор павильона, я – слава святому Георгию! – очутился неподалеку от второго

входа-выхода. Но до него ещё следовало проскочить полтора десятка метров, верную «макаровскую» дистанцию даже при наличии ствола в корявых от природы ручонках. Я уж не говорю об убойном «ТТ» и прочих огнестрельных изысках.

И никакой тебе толпы или хотя бы жалкой кучки бесполовых обывателей! Зато померещились вокруг униформы, мундиры, бляхи, жетоны... «Держи его, городской, лови шельмеца!»

Загородивший мне в последний момент дорогу ражий дедина оказался всего лишь в замызганном мясницком облачении, но при разделочном топоре внушительных размеров. Им он отчаянно замахал перед собственным животом то ли защищаясь, то ли пугая – в таких деталях разбираться было некогда. Управившись в считанные секунды, я оставил его сидеть на полу в обнимку с секачом и с выпученными от боли глазами. И был таков.

То есть, очутился на улице.

Нелепая и малопонятная эта историйка для меня ещё не закончилась: следовало ожидать погони. К счастью, свернув за угол, я почти сразу наткнулся на табачный киоск, витрины которого с трёх сторон были плотно заставлены пачками сигарет, а узкая железная дверца от духоты приоткрыта.

Везение или авантюра?

Внутри на колченогом стульчике сидел долговязый очкарик пост-пост-переходного подросткового возраста и с увлечением читал что-то мягкообложечное вместо того, чтобы

заниматься делом. Вошедшего незванного гостя он заметил лишь после того, как отрывисто щёлкнула дверная задвижка.

– Прошу прощения за беспокойство, – внушительно молвил я, подняв руку с выкидным ножом и прижав на мгновение к губам обоюдоострое лезвие, – но мне придётся некоторое время посидеть у вас. Вон там, в уголке, за пустыми коробками из-под товара. Минут двадцать, не больше. Не волнуйтесь, я тихий! Просто ногти длинные отросли, вот и решил их ножичком слегка подрезать. А на улице, знаете ли, неудобно – люди не так понять могут, испугаются ещё невзначай...

Юноша ощутимо напрягся, серые зрачки за сильными стёклами явственно округлились. Улыбнувшись как можно мягче, я протиснулся за его спиной в самый угол и уселся там на корточках. Сунул открытый нож в нагрудный карман пиджака, а из внутреннего извлёк бледно-зелёную купюру с портретом важного господина и шлёпнул её парню на колени.

– Это за причинённый дискомфорт и наглый отрыв от увлекательного чтения. Пятьдесят полновесных конвертируемых единиц. Твой недельный заработок, верно?

Переход на «ты» воспринят был нормально, но взаимопонимания, естественно, не добавил. Правда, глаза за очками вернулись к своему нормальному размеру.

– И вот ещё что, дружок, – проникновенно добавил я. – Если в самое ближайшее время в окошке возникнет во-от та-

кая морда со зверским оскалом и, вращая буркалами, спросит, не видел ли ты невообразимо наглого чуркобеса – то есть, твоего покорного слугу – ты укажи, пожалуйста, рукой в сторону парка. Договорились, а?

На сей раз его губы дёрнулись в растерянной усмешке, но и только. Деньги остались лежать на вытертых добела джинсах нетронутыми.

– Вах, дорогой, какой ты, оказывается, непонятливый! – я приложил обе ладони к груди самым что ни на есть убедительным образом. – Ну, сдашь ты меня этой своре, допустим, и что получится в итоге? Я ведь отчаянно защищаться буду! До последней капли своей горячей южной крови, как и положено истинному горцу. Пронзая вражеские сердца кинжалом, который ты уже видел, и круша неприятельские челюсти кастетом, спрятанным в заднем кармане. Прикинь-ка, что здесь начнёт твориться? Всем достанется по первое число, и тебе тоже. А уж товар как попортят! Грустный финал, да?

Очкарик произвольно хихикнул, и я мысленно поздравил себя с успешным окончанием переговоров. И точно: заграничную банкноту, наконец-то, почтили вниманием: взяли, хорошенько рассмотрели на свет и бережно упрятали в весьма тощий кошелёк.

Говорят, что дающий вовремя даёт дважды; тоже самое, несомненно, относится и к принимающим верное решение. Едва мирная договорённость была нами достигнута, как всю

палаточную амбразуру заслонила зверски оскаленная прото-
кольная морда. С налитыми ненавистью буркалами.

– Эй, земля, тут один папуас мимо не пробегал?

– Узкоглазый? – деловито уточнил мой союзник. В ответ
брезгливо поморщились:

– Да не-ее, из лаврушников. Старый, лысый...

– Видел такого. Во-он по той аллее почесал.

– А-аа, козёл, я так и думал!

Морда исчезла, и мы снова увидели солнечный свет. По-
молчав, я сказал:

– Интересно, и кто из нас троих думающий козёл?

– Он и есть, – с неприкрытой ненавистью отозвался пар-
нишка. – Это Лёха Бугристый, я его знаю.

– Стало быть, он тебе не по нраву. Ну а мы? То есть, «пи-
ковые»?

Юнец глубоко вздохнул и проверил запор на двери.

– Никакой ты не «пиковый» – я хоть и близорукий,
но не слепой, – ответил он. – Знаешь, по отдельности вы
неплохие ребята. Взять хотя бы Джемала из моего класса...
А вот когда вас много, то, прости, хуже цыган. Наглые слиш-
ком.

– Есть такой грех, – согласился я, закуривая. – Но тут
уж выбирать не приходится – срабатывает принцип «опре-
делённости меньшинства». Если не хочешь подчиняться, то
приходится давить самим, иначе сомнут соседушки. А по-
корными мы отродясь не были. Веками воевали с могучи-

ми мусульманскими государствами да и друг с другом тоже. На крошечных даже не в геополитическом смысле землях теснились Картли, Кахети, Имерети, Гурия, Мингрелия, сваны, тушины, хевсуры, пшавы... И везде маленькие цари, но с огромными амбициями. Представь, какая карусель у вас закрутится, если бы владимирские враждовали с ивановскими, московские с калужскими, а костромские с вологодскими? Столетиями, заметь!

– Тоже верно. Только ведь от ваших уважительных причин нам не легче. Исконным москвитам, русским...

– Каким-каким? – переспросил я. Стряхнул пепел с классического «Давидоффа» и вздохнул: – Дружок, да эта самая ваша «исконность» испокон веков дальше Урала не простиралась! Да и то с большими оговорками. На севере обры да чудь белоглазая, на западе литвины с чухонцами, на востоке башкиры с калмыками. Про юг и говорить нечего: казачество, дикая вольница, Гуляй-поле... А вы замахнулись на столь гигантские территории, что и помыслить страшно. Совершенно чужой Хэйхэ-Амур ласково «батюшкой» величаете; скромную Волгу чуть ли не своим национальным символом сделали, хотя под боком у вас течёт истинно великая Тава. Которую ещё Илья-Муромец называл в былинах «матушкой»... Вот где ваши истоки! А в итоге сплошное удивление: столько богатств природных, а народ всё бедствует и бедствует? Так ведь невозможно добиться процветания, живя по принципу: «Каждый сам за себя, один бог за всех да

и того нету...» И железный государственный порядок нужен, а как его цивилизованно создашь на таких пространствах? От моря до моря и от океана до океана?

– А как же у Америки получилось?

– А там народы, кроме индейского, не покорялись, а ассимилировались. На основе одного-единственного аглицкого языка. И никаких тебе дурацких прав наций на самоопределение, плодящих сплошь и рядом сонмы обезумевших от шальной власти господчиков да коррупционеров.

– Всё ясно: упёртый коммуняка, – поставил неожиданный диагноз юный продавец и тоже вздохнул. – Теперь я окончательно убедился, что ты не из блатных, несмотря на финку и злодейские усищи... – Он поскрёб в затылке и дипломатично уточнил: – Оказался в не в том месте и не в подходящее время?

– Вроде того, – согласился я и с натугой встал. – Понимаешь, нахамили мне на рынке, ну и не сдержался. Ответил и словесно, и действием. Но такой хай поднялся – как в клубе эротического массажа перед шмоном! До сих пор удивлён.

– Так ведь на прошлой неделе на здешней торговой точке власть поменялась. Наш Зубатый с треском вышиб вашего Мурзая. А рыночное бабьё решило, видать, выслужиться перед новым хозяином.

– Не вышло. Гордый я человек, что подделаешь!

– А чего ж себя назвал, извини, чурко... Помнишь?

– Помню. Как тебе объяснить... Поверишь ли, не знаю,

но я – княжеского рода, причём очень древнего. А мы, потомственные аристократы, можем иногда над собой подшутить. Но только сами, плебеям всех мастей и окрасок это не дозволяется! «Сирано де Бержерака» Ростана читал? Нет? Ясно, привык совсем к другой литературе. Что там у тебя... ага, «Последняя резня Кривого с Бешеным»... На редкость интеллектуальное название.

– А, обложка ещё ни о чём не говорит. Давеча я впопыхах взял, не глядя, книжку «Смерть на подоконнике», а это оказалась брошюра по уничтожению насекомых...

Мы немного посмеялись, а затем я протянул ему сложенный нож, который предварительно незаметно протёр.

– Держи, на память от Дато. Фирменный, спецназовский, такой не купишь. Не беспокойся, он «чистый», в деле не бывал. Носить с собой, конечно, не стоит, дома храни. Девочкам знакомым покажешь, историю интересную сочинишь...

– Спасибо. Деньги свои возьми...

– Не надо. Запомни: каждый труд должен быть достойно оплачен. А ты вдобавок ещё и сообразительность показал, как-никак. Ну, бывай.

Жаль было расставаться с надёжным «весёлым инструментом», но в данной ситуации я не мог рисковать. Хорошо, что «стволы» и прочее тайное наследие прошлых лет Рената уже увезла в Ольгов вместе с мирными вещами.

Я осторожно ступил на асфальт и внимательно огляделся. Красота: ни бугристых, ни бешеных, ни кривых, ни зубатых,

ни мурзаев – кругом обычные человеческие лица! Даже улыбающиеся порой.

Автобусная остановка располагалась неподалёку, минут десять спокойным шагом. Машины уходили каждые полчаса – и по расписанию, и «левые». Немного сноровки – и я вполне успевал на двенадцатичасовой рейс.

Вокруг трёх крошечных уличных касс образовались четыре длинные очереди. С трудом правильно сориентировавшись, я встал в хвост второй из них. Странного, нерусского человека, соблюдающего порядок, со всех сторон оглядели с подозрением, а непосредственные товарищи по ожиданию создали вокруг него небольшое пустое пространство. На всякий случай.

Подумав, я достал из кармана целлофановый пакет со сложенным вдвое узким галстуком и поспешил придать себе солидный, респектабельный вид. Место сгиба я скрыл позолоченным держателем с перламутровым верхом.

Увы, доверия ко мне это не прибавило – наоборот, стоящие впереди придвинули поближе к себе свои вещи. Правда, на некоторых физиономиях появились улыбки-усмешки-ухмылки.

Господи! Действительно, как папуас в центре... в центре Куала-Лумпуры, допустим. Среди цивилизованных негров. Ах, пардон – африканцев...

Ну вот, совсем замечательно: сорок второе место. В самой что ни на есть автобусной заднице. Ладно, в Обнорске пере-

сяду.

Как и предполагалось, салон оказался заполненным на две трети, не больше. Тем не менее, я со скорбным видом клинически законопослушного гражданина прошёл в самый конец, где и пристроился у запылённого окна. Несомненный плюс: с правой стороны много свободных сидений, даже прилечь можно. В принципе. Но поскольку такая поза для человека в галстукe не слишком пристойна, ограничимся тем, что просто сядем боком и удобно закинем ногу за ногу...

Аккуратно удалив кончиком занавески (что поделаешь!) пыль со стекла, я в последний раз посмотрел на привокзальную площадку. Не без чувства затаённой радости, ибо позавчера случайно встретился здесь с Ренатой.

Она заметила меня первой и, слегка присев, лихо свистнула в два указательных пальца. Я, естественно, непроизвольно обернулся – и увидел свою бывшую напарницу, летевшую ко мне с распростёртыми объятиями и ослепительнейшей белозубой улыбкой.

Из очереди посматривали на нас с явным неодобрением и не без зависти, а я чувствовал себя на том самом блаженном седьмом небе, хотя твердо стоял на земле. Кто это сказал, что только кавказцы падки на пригожих девиц? А наоборот не хотите ли?

В свои полновесные тридцать пять Рена выглядела просто чудесно: всё та же стройная фигурка, туго обтянутая светлой «водолазкой»; короткие каштановые волосы до подбородка;

раздвоенная чёлка аж на самых раскосых глазах; смуглые, бархатные щёчки при аккуратном носике между ними; яркие губы без каких-либо следов помады – во всяком случае, мне так показалось. И любимый чёрный брючный костюмчик с пиджачком нараспашку.

Мы не виделись немало лет – сколько точно, и вспоминать не стоило. Она покинула ряды доблестных (и не очень) сотрудников таганрогских органов задолго до меня и совсем по иным причинам.

А вот что изменилось, так это темп разговора. Раньше моя красавица не говорила, а буквально одаривала любого собеседника изысканными фразами и оригинальными речевыми оборотами, а нынче в её манере вести беседу появилась не слишком приятная торопливость. Впрочем, в движениях и жестах она была по-прежнему точна и несуетлива.

Говорили вначале, как водится, ни о чём и обо всём сразу. Много смеялись по поводу и без повода, но постепенно весёлое настроение сошло на нет, особенно после того, как девушка уяснила моё донельзя плачевное общественное и личное положение.

«И не женился, и не вписался в новый социум, – понимающе подытожила Рената, выслушав мою нехитрую исповедь. – Планы хоть какие-никакие имеются? С минимумом перспектив?»

На завтрашнюю встречу в очередном и последнем начальственном кабинете мне рассчитывать особо не приходилось,

а посему ничего не оставалось, как уныло развести руками.

Я, и в самом деле, образно говоря, основательно и безнадежно подвис на воздушно-бездушных российских просторах. Ни привычного заслуженного уважения, ни жилья, ни работы. Оставался один путь: напрямик да налегке в суверенную Грузию – там люди моей специальности пользуются отменным специфическим спросом. Но на подобных условиях я смог бы недурно устроиться и здесь. Вот только...

Скамеек поблизости не нашлось, поэтому купленным мной мороженым Ренате пришлось лакомиться, стоя в тени какого-то чахлого деревца. Я же грустно курил, примостившись рядышком.

Любимая сигарета нисколько не помогла оптимизировать мой мыслительный процесс, а вот с удовольствием съеденный шоколадный брикет, не иначе, подвиг мою подругу на весьма неожиданное предложение, разом решавшее обе мои главные проблемы: уехать с ней в Ольгов и устроиться в её контору (какие-то мелкие посреднические операции). Даже снимать жильё не первых порах не придётся – в её улучшенной двухкомнатке места хватит обоим. Временно, конечно.

А почему бы и нет, вдруг подумалось мне?

Может, это необходимая передышка, но, возможно, и начало с нуля...

...Автобус основательно потрянуло, и я сразу почувствовал себя пассажиром на родной постсоветской трассе общегосу-

дарственного значения. Чуть было язык не прикусил.

Получив моё быстрое согласие и много благодарностей впридачу, Ренатка укатила домой, прихватив два чемодана и баул с моими вещами, а я остался в местной столице ещё на один безнадёжный день. Просто для того, чтобы до конца выполнить намеченную программу.

Аудиенция в огромном кабинете с мягкими коврами и полированной мебелью, как и ожидалось, ничего положительного не принесла. Выбор, предложенный мне, отличался всё той же упёртой безвариантностью в смысле этих самых треклятых перспектив.

За прошедшую неделю я выслушал многое-множество подобных предложений. Если конкретно считать на пальцах, то в количестве двух штук: поступить на службу в местную милицию с понижением в чине и с комфортным общежитием впридачу или завербоваться по контракту в продуваемую насквозь всеми зловещими ветрами Чечню-Ичкеррию. Тоже отнюдь не в майорском звании.

Правда, знакомые знакомых моих московских знакомых, у которых я вынужден был искать ночлег, напротив, выразили готовность предоставить мне всё и сразу: квартиру, выжужленную у спившегося инвалида; машину, дважды перекрашенную и с перебитыми номерами; городскую прописку, купленную по сходной цене... А взамен я должен буду употребить все свои знания и умения для очистки Автономии от некоторых очень нехороших людей. Фотографии и марш-

рут будут в надлежащее время указаны...

Я ответил вежливым отказом. Сославшись на стрессовое состояние, чтобы не портить отношения.

Было бы крайне унижительно вот так, откровенно и цинично, продаваться на периферии, предварительно наотрез отказавшись сделать это в Москве.

С другой стороны, я и сам не мог себе толком объяснить, почему не захотел воспользоваться гостеприимством бывших своих сослуживцев – надёжных славянских парней, с которыми точно без страха пойдёшь в огонь и в воду. Когда я после очередной командировки возвратился в свой Таганрог и вместо ухоженного домика с цветником из коллекционных роз обнаружил жуткое пепелище, а уцелевшие вещи почти все были растащены, то ребята из спецгруппы сочувствовали мне вполне искренне, предлагая посильную помощь и всё такое. Вот только нет-нет да и проскальзывала в интонациях их голосов подспудная ментальная убеждённость, что для южных и восточных людей с их клановым образом жизни эта беда не смертельная. Русскому – да, хоть в петлю лезь, а грузин как-нибудь выкрутится и ещё лучше заживёт. Родня и кунаки многочисленные помогут, как же иначе?

Никуда не денешься – трагическая разница психологий. Или мне тогда так показалось.

Я в сердцах содрал с себя галстук, снял и свернул пиджак и принял вызывающее горизонтальное положение. Чем

предаваться вот таким воспоминаниям, лучше постараться уснуть...

Мне это удалось, причём крепко и без подсознательных сновидений, которые не смогла спровоцировать даже периодическая немилосердная тряска. Однако мой тренированный организм, как всегда, самостоятельно разобрался в обстановке и пробудился в самый нужный момент, когда мы сворачивали с центральной трассы на боковое пригородное шоссе.

Моя головушка, включившаяся после анабиозного состояния в привычный анализ нелёгких жизненных ситуаций, доложила, что таковых на данный момент не имеется. В мозгах было на редкость пусто и ясно, а вот пересохшее горло потребовало немедленного качественного охлаждения, и я пожалел, что перед отъездом не запасся хотя бы тем, что местное население по ошибке искренне принимает за природную минеральную воду или натуральный фруктовый сок. Оставалось запастись терпением, примерно, минут на двадцать.

Я уселся в самом центре последнего ряда, вытянул ноги и стал рассеянно поглядывать по сторонам.

Вместо бестолкового смешанного леса потянулись вереницы стройных высоченных сосен знаменитого ольговского бора. На какое-то время дорожное пространство превратилось в причудливый извилистый тоннель со светло-коричневыми стенами и зелёной хвойной окантовкой на самом вер-

ху. Где-то там, ещё выше, смеялось пополуденное солнышко, посверкивая бесчисленными глазами сквозь гладкие древесные стволы, и большинству моих попутчиков такое кокетство не понравилось: мятые занавески задёргались, восставливая скучный салонный полумрак. Подобная реакция меня неизменно удивляла – как можно не любить солнце?

Мне уже приходилось ехать этой дорогой в самом конце восьмидесятых годов душным августом – только не в общественном транспорте, а в бежевой «волжанке», которую зло и сосредоточенно вёл майор из Ростова Даниил Румский. Четвёрка пассажиров была в лейтенантских погонах: на отдельном сиденье возле водителя устроилась непривычно угрюмая Рената, а позади, то и дело толкая друг дружку плечами, теснились Валерий Ласков, Валерий Филоменов и я. Наша боевая компания должна была взять скрывавшуюся в окрестностях Ольгова бандитскую группу рецидивиста Рокота в количестве трёх человек. И непременно живыми. И почему-то без мало-мальски серьёзной подготовки да ещё втайне от своего высокого начальства. Встретивший нас в городе и обеспечивший поддержку, местный оперативник Тимур Устемович Магомбетов по прозвищу «Маленький майор» (или «Мамай») тоже действовал на свой страх и риск. Точнее говоря, так мы тогда думали.

Итог проведённой навскидку операции оказался страшеньким: один пойман, другой убит, третий бежал. А мы потеряли обоих Валер... да и майор Румский по возвращении

тоже погиб при невыясненных обстоятельствах.

Чёрт побери, да отчего мне сегодня на ум лезет сплошной негатив? Словно кто-то невидимый тянет роковую нить от прошлых весомых неприятностей к будущим сложным проблемам! Так и суеверным недолго стать.

Впереди замаячил обязательный перед въездом в районный центр пост ГАИ, и природное очарование враз исчезло и в переносном, и в прямом смыслах: сосновые панорамы круто завалились вправо-влево; дорога выскочила на подъём-эстакаду, откуда открывался внушительный вид на красоту Таву с её прямо-таки мистически неподвижными водами и на сам старинный Ольгов. Сверкающие купола обновлённых православных храмов; пышная зелень общественных парков и частных садов; аккуратные многоугольники редких высотных многоэтажек; острый, блестящий шпиль, венчающий громаду далёкой телевышки. И всё это – на холмах, уступах, террасах!

Странный город, странное название (никакого отношения к знаменитой княгине Ольге или к легендарному князю Олегу, если допустить, что со временем не слишком удобное для произношения слово «Олегов» утратило один гласный звук). Почти столь же древний, как Москва, и, по рассказам Ренаты, усиленно под неё гримирующийся. Бесчисленные универмаги, магазины и магазинчики, киоски, кафе, закусовые-распивочные; прямо на улицах торговые «развалы» – и с ассортиментом, и специализированные. И свыше трёх-

сот тысяч населения на обжитой территории, которую можно с севера на юг пройти из конца в конец пешком за пятьдесят минут.

В социальном смысле здесь были остатки пресловутого «красного пояса». Маловато полезных ископаемых, зато в наличие оборонные заводы; как водится, всеобщая дороговизна и низкие заработки. И тишина, никаких особенных волнений ни по профессиональным, ни по расовым причинам. Типичная ментовская вотчина...

Автобус, натужно гудя, полез в гору и минуты через три, описав пару колец по спирали, выполз на широкий проспект под стать, пожалуй, и столичному. Но вскоре он свернул в какой-то кривой переулочек – и сразу вокруг возникла атмосфера посёлка городского типа. Впрочем, убогий автовокзал, весь в пыли и мусоре, с покосившимися стойками и крышами нумерованных стоянок, как нельзя лучше гармонировал с этими захолустными метаморфозами.

Я поднялся, поблагодарил водителя и вышел. Было половина четвёртого пополудни.

2. Ольгов. Улица Баркляя де Толли, дом два

Вот ещё одно сходство со столицей: местные жители затрудняются подсказать нужный адрес (хотя в моём случае это оказалось совсем рядом). Правда, в центре Автономии пожилые граждане обязательно помогут, если, скажем, требуется отыскать улицу Будённого или Партийный переулок...

Записанный Реной в моём блокноте дом номер два по неприметной улочке с громким именем известного царского генерала-героя выглядел так, словно был построен как раз в ту эпоху. Полностью деревянное двухэтажное здание опиралось своим фронтоном на три каменные колонны, которые сочетались с внешним видом строения, примерно, так же, как новенькая бамбуковая трость с набалдашником из натуральной слоновой кости – с заскорузлыми ручищами старого бомжа. Даже при моём невежестве в классической архитектуре не могли не удивлять тяжёлые, массивные опоры, оставлявшие впечатление чего-то чужеродного и самоцельного при основной конструкции из лёгкого дерева. Впрочем, что для дилетанта нонсенс и дисгармония, то для профессионала – тонкость и глубокий смысл, как не преминула бы с важностью заметить Рената...

Скоро мы снова окажемся рядом. И теперь уж надолго.

Увидев красивую вывеску (фирма «Посредник»: взаиморасчёты, продажа недвижимости, маркетинг) с указателем направления стрелочкой, я направился ко второму подъезду, расположенному со стороны торца, и открыл узкую, неудобную дверцу, вдобавок снабжённую тугой пружиной. Первый этаж в качестве жилой части отсутствовал как данность, а на второй вела почти отвесная длинная лестница с резными перилами. Взявшись за них левой рукой и держа в правой пакет из синтетики с купленными по дороге гостинцами, я осторожно двинулся по жутко скрипящим ступенькам. Их истерическое пение сопровождало меня до самого верха, где режущая слух псевдомузыкальная эстафета немедленно была передана половицам.

Я очутился в некоем подобии холла, то есть на большой квадратной площадке с многогранным окном в полстены, овальным полированным столиком возле него и тройкой креслиц с обивкой из потёртого красного кожзаменителя – типичный инвентарь маленьких кинотеатров прошлых лет. Среди грудой наваленных журналов преобладали экземпляры рекламного содержания, а также откровенно фривольные, иллюстрированные обнажёнными женскими бюстами, ножками и попками на любой вкус, цвет и размер. Широкая, выдавшая виды дверь с курсивной надписью «Добро пожаловать!» располагалась ровнёхонько посередине противоположной стены – без малейших намёков на хоть какую-ни-

будь ручку или выступ, за который можно было бы ухватиться и потянуть на себя. Согласно строгой логике, её следовало открывать энергичным толчком плеча или ноги в зависимости от степени воспитанности клиента. Впрочем, это мне и предстояло сейчас проверить.

Поскольку в Телави, бывшем стольном городе Кахети, где прошло моё детство, заботливые родители едва ли не с младенчества обеспечили меня не только постоянно проживавшей с нами нянечкой, но и приходившей по вторникам и пятницам учительницей французского языка и латыни (увы, древнеримская азбука была почти позабыта уже в подростковом возрасте), то я счёл свой культурный уровень достаточным для того, чтобы сначала деликатно постучать, а уж затем ломиться всем телом. Последнее действие мне приходилось применять за годы работы в спецназе столь часто, что в мирной жизни порой требовалась на ходу определённая перестройка сознания.

На мой осторожный стук костяшками пальцев никто не ответил. Ничего не оставалось, как с усилием надавить ладонью на слово «Добро» ну а потом, естественно, и пожаловать. Как выяснилось, с внутренней стороны ручки также не имелось – снабженная двойной пружиной, дверь свободно ходила туда-сюда при отсутствии наличника.

Комната, открывшаяся моему взору, походила, скорее, на зал – с полудюжины пар в шароварах и кринолинах могли танцевать в ней совершенно свободно. Тем более, что о ме-

бели даже неловко было упоминать: три стола в рядок слева, четвёртый почти на десятиметровом расстоянии справа, парочка шкафов рядом с ним – всё. Ну и под самым потолком огромный чёрно-белый портрет Отца Нации на очередные четыре года.

Обитатели «Посредника» находились как раз под ним, родимым. Ближе всех ко мне стоял румяный, дородный мужчина на лет пятидесяти с такими роскошными висячими усищами соломенного цвета, что в национальной идентификации явно не нуждался. То же самое можно было сказать и о жгучем брюнете с компьютерной «мышью» в руках вполне европейской наружности, но с не менее характерным носом, значительно превышавшим мой собственный и по размерам, и по горбатости; крохотные очки с прямоугольными дымчатыми стеклышками вызывающе торчали где-то посередине между переносицей и вздёрнутой верхней губой. А возле того самого удалённого стола (несомненно, начальственного) переминалась с ноги на ногу и нервно курила тонкий коричневый «Mour» весьма интересная женщина типично бальзаковского возраста с волнистыми тёмно-русскими волосами – их светлый оттенок у корней был едва заметен. Выражение её лица то и дело менялось с игриво-плутовского на очень даже хитренькое при одновременном прищуре шальных малахитовых глаз. Прямо-таки вылитая Лиса Патрикеевна из классических русских сказок! Такая же гибкая и подвижная; не хватает лишь пушистого хвоста, скрытого под

юбкой...

А в центре этой импровизированной тусовки располагалась моя Рена – Рената Петровна (вернее, Петеровна). Старая подружка, на сей раз в легкомысленном цветастом платье до колен и без рукавов. Умница, профессионал, боец без нервов...

И капризная стерва милостью божьей, если будет позволительно употребить столь рискованный оборот. Взятчица и расчётливая шантажистка буквально с первых дней своей работы в милиции. Ухитрявшаяся с поразительной и какой-то ненормальной искренностью совмещать борьбу с преступностью и личное обогащение за её счет – кажется, в своеобразном женском сознании одно от другого было неотделимо. По призванию авантюристка с удивительно ровным сочетанием светлых и тёмных составляющих характера.

Самому до конца непонятно, почему я мирился с подобным душевным коктейлем. Будь это мужчина – ничего иного, как снисходительно-брезгливого отношения с моей стороны и ожидать не приходилось, а вот тут поди ж ты... Увы, откровенно слаб наш пресловутый сильный мужской пол! И хорошо, что прекрасные представительницы пола противоположного ещё достаточно неуверенно этим пользуются...

– А вот и он! Явился не запылится, и при гостинчиках!

Подбежав ко мне, Рената первым делом сноровисто исследовала содержимое моего пакета и продемонстрировала своим коллегам оттопыренный вверх большой пальчик. И толь-

ко затем я был старательно расцелован в обе щеки и с оттяжкой в благородное чело. Сиречь, в лоб.

– Ну, пошли же, познакомлю с нашими!

Вислоусый здоровяк был первым, с кем я обменялся крепким рукопожатием, не удержавшись при этом от провокационного вопроса:

– А де ж воно сало и вареники?

Дядька неожиданно засуетился и со словами: «Туточки, туточки, обождите трохи...» заторопился к своему столу. Все дружно рассмеялись.

– Да он пошутил, почтеннейший Тарас Давыдович, – меланхолично произнёс горбоносый интеллеktуал и, зевнув, добавил, указывая в сторону усача: – Это пан Нечитайло, фамилия его такая. Здешний рядовой работник. Самый исполнительный, между прочим. А я тоже Давыдович, но – Канер. По имени Михаил, непризнанный гений и признанный неудачник. Прозябаю тут по стечению обстоятельств и наследственной лени...

Кисть его руки неожиданно оказалась сильной, да и вообще он производил впечатление жилистого, тренированного парня. Наверняка кроме «мышки» и гантели поднимает.

– Насчёт лени сказано удивительно самокритично, – заметила «бальзаковская» женщина и энергично задавила в пепельнице окурок. Затем она лёгкой походочкой вышла супротив меня, небрежно повела шикарными плечами и красивой, полной грудью, хорошо заметной в глубоком выре-

зе длинного облегающего платья, и не без иронии представилась: – Елизавета Леонидовна Лозанникова, заместитель главы сей фирмы, в меру процветавшей благодаря исключительно моим деловым качествам. Боюсь только, что недолго будет дёргаться старушка в высоковольтных погремушках...

– Неприятности? – на правах будущего сотрудника осторожно осведомился я. Мне не ответили, весьма подозрительно дружно отвернувшись.

– Давайте, наконец, отметим встречу! – с несколько фальшивым напором предложила Рената. – Не пропадать же водке, шампанскому и настоящей «Хванчкаре»!

– Натуральность вина, к сожалению, гарантировать не могу, – извиняюще сказал я, передавая ей один за другим названные спиртные напитки. – Вообще-то, цена вполне на уровне, да и этикетка с фрагментами картин Нико Пироманишвили выглядит подлинной, но... Одним словом, необходима дегустация.

– О, за этим дело не станет!

Через пару минут мы уже все сидели вокруг стола госпожи Лозанниковой в полной готовности конкретно расслабиться по-русски – я даже пиджак снял. Закуска, как водится, была более чем скудной: сдобные плюшки, консервированные шпротные рыбёшки, твёрдые грушки и наливные яблочки с явственным нитратным ароматом. Разумеется, у женщин нашлось и домашнее варенье – из крыжовника. «Советское Игростое» решили негласно пока не трогать, и до откупорен-

ного красного полусладкого дело тоже не дошло, несмотря на уверенное обещание отведать и распробовать – все дружно набросились на кристалловскую «Пшеничную» ёмкостью в три четверти литра. Вот тут шмат отменной нечитайловской ветчины пришёлся как нельзя кстати.

– А ничего, что мы устроили пирушку в разгар рабочего дня? – я вновь поднял мучивший меня вопрос. На этот раз после долгой, напряжённой паузы мне коротко ответил Тарас Давыдович. Вернее, проворчал:

– Боюсь, друже, шо ровнёхонько у осьмнадцать годин нуль-нуль хвилин наша здешняя трудовая жизнь закончится навсегда...

Так. Приятное вступление, ничего не скажешь.

Обе женщины упорно играли в молчанку: Рената с притворным аппетитом старательно грызла тёмно-зелёную крохотную грушу, а Лизавета Леонидовна столь же увлечённо со всех сторон обкусывала булочку. Наконец, непризнанный гений Канер решил окончательно прояснить ситуацию.

– Дато, позволь мне начать издавека, хорошо? – предложил он. – «Посредник» этот существует уже лет девять, а то и побольше; начинал же он свою благородную деятельность ещё в те времена «теперь почти былинные...», когда благодаря Егору Гайдару, першему рыночнику и монетаристу, у российских предприятий с наличкой стало настолько туго, что хоть диким волком вой, хоть дрессированным медведем пляши – один, я извиняюсь, хрен. К примеру, заводик,

производивший утюги, задолжал энную сумму фабрике, изготавливавшей туалетное мыло, а та, в свою очередь, не могла расплатиться уже за свои долги перед комбинатом стирального порошка – то есть, разный товар имелся у всех, а звонкой, ходовой монеты практически ни у кого. Наш Ольгов тут был как раз правилом, а не исключением. Кто из начальства допёр до создания при основном производстве малых дочерних коммерческих фирм, тот худо-бедно сводил концы с концами; основная же трудовая масса безнадёжно куковала в ожидании лучших времён, сидючи на своих утюгах, мыле и стиральном порошке. Так вот, именно мы эту промышленную, потребительскую и прочую лабуду и помогли успешно сбывать, находя покупателей и знатоков натурального обмена и по области, и кроме. Эдакий универсальный многопрофильный отдел реализации... Уже тогда в нашем распоряжении был недурной по тем меркам комп – конечно, не третий «пень», как нынче, – (Михаил указал затылком на свой персональный стол), – а первый, но с весьма качественными базами данных! А поскольку работёнка была почти исключительно телефонной, то это позволило нам избежать нежелательных наездов со стороны братков в малиновых пиджаках да при цепях на могутных выях...

– Однако ты живописуешь наше существование слишком уж приятными красками, – подала голос Лозанникова и отложила варварски истерзанный остаток булки. – Были и визиты. Кожанки, широченные штаны, жвачка во рту и омерзи-

тельно-гнусовое: «Ну ты, чё в натуре, не по-о-онял?!» Тьфу!

– Тоже дела давно минувших дней, – бодро ответствовал Канер. – Шеф очень скоро скорешился с самим Овалом, и нас оставили в покое. К тому же на тот момент мы начали заниматься сделками с такой недвижимостью, которая больших прибылей ну никак не сулила – продажа частных домишек в городской черте и за чертой, частенько весьма хлипких. Крайне интересный сектор рынка: строения даже без удобств владельцы предлагали очень дорого, а брать их покупатели желали очень дёшево. Диспропорция была вопиющая! Правы, безусловно, хозяева: частный домик с землёй в полновесные шесть соток должен стоить никак не меньше двухкомнатной квартиры. Вот тут мы и нашли свою жилу – пускай ни с какого боку не золотую и не серебряную, но... Короче, существование она обеспечивала вполне пристойное по здешним понятиям. И если бы не один свой же гад – не ползучий, а очень даже прямоходящий, то...

– Кто же мог предвидеть, Мишенька? – лицемерно проворковала Рената, метко запулив грушевидный огрызок в отдалённую урну. – Несчастное стечение вредных обстоятельств...

От возмущения Канер чуть было не расплескал налитую водку.

– А вот я мог, представьте себе! – вскричал он. – Не месяц и не два убеждал этих двух беспечных дамочек, что наш доморощенный бул-гах-тер безбожно мухлюет с финансовой

отчётностью! Просил дать добро на негласную проверку – я хоть и не Абрамович, но денюжки тоже считать умею. Так нет же!

– Но, Миша, дорогой, ведь везде и всюду директор и главбух повязаны намертво, – не без вины в голосе негромко молвила Елизавета Леонидовна. – Как же можно было даже заикнуться о подобном предложении? Выплыло бы наружу – нас обоих немедленно выставили бы на улицу. И, как сам ты понимаешь, без выходного пособия.

– Нет, что ни говори, а русский человек способен мыслить нестандартно лишь тогда, когда во всю мочь рядышком грянет гром, – сообщил Канер и безнадежным жестом опрокинул стаканчик. Выудил из банки шпротинку, положил её на язык и, причмокнув, сжевал. – Ладно, вернёмся к трагическим итогам. Итак, сегодня ранним, безоблачным утречком вваливается сюда наш сюзерен Матвей Тихонович Грубиянов, – не делай такие глаза, Дато, патрона на самом деле так зовут (он, кстати, по характеру больше своему отчеству соответствует), – и ласково преподносит подчинённым ему милордам и миледям пренеприятнейшее известие: этот самый сволочной бухгалтер исчез бесследно; квартира, которую он снимал, банально пуста, равно как и наша касса. В точности по сюжету популярной комедии: ничего не украдено, поскольку всё уже давным-давно расхищено!

– В общем, наши платёжные балансы поют грустные романсы, – пробасил Нечитайло и положил в рот целую плюш-

ку. – И в довесок на фирме ещё и должок повис тыщ в тридцать «деревянных»...

– Двадцать восемь с половиной, – буркнула Рена. – И скоро предстоит платить за аренду помещения.

– А долг Грубиян возвращать не хочет, – устало вздохнула Лозанникова. – Без особых последствий для себя, но с роковыми для нас.

Я молчал. Забытая всеми «Хванчкара» выдыхалась, теряя букет, но кроме «очищенной» мне уже ничего не хотелось. Да и её тоже.

Самый раз было вспомнить о соломинке, легко ломающей хребет выносливому верблюду, но тут на меня обрушилось целое доброе бревно.

Нет, работу я и сам бы нашёл, комнатку тоже, только вот не было теперь в этом никакого смысла. С невероятной отчетливостью я вдруг осознал, что достиг предела своего гордого одиночества, и что с абсолютного ноля моя новая жизнь начаться никак не может. В активе непременно должна находиться хотя бы одна-единственная несчастная единичка со знаком «плюс». А таковой больше не существовало.

Где-то далеко, внизу, от души шарахнули дверь о прилоку. Старая лесенка содрогнулась под тяжёлыми, бухающими шагами.

Никто на это не обратил внимания.

3. Клиент в Зазеркалье

– Эй, фрайера-гуляки, проснитесь! А ну, авторитета сюда, быстренько!

Все подняли головы, а мне пришлось ещё и обернуться. У входа, занимая своей тушей почти весь дверной проём, стоял очередной мордovorот. В помятой серой «тройке», что придавало ему вид вышибалы, забредшего после работы отдохнуть в соседний кабак.

Терпение моё кончилось – по крайней мере, на сегодня. Я медленно встал, аккуратнейшим образом поставил стул на место и двинулся навстречу незванному гостю. Остановился в полуметре от него и отдельно произнёс:

– Молодой человек, сначала следует представиться. Сообщить цель визита. И вежливо, а не ишачьим рёвом.

Никакого внимания на меня, достававшего ему лишь до носа, он не обратил – тупо глядел мимо и грозно сопел. Затем злобно рявкнул:

– Вы чё, не поняли, чучундры подзаборные? С главным желаю базарить!

– Базарят в «хате» на шконках в ожидании вызова на допрос, – всё так же отдельно сказал я. – А в приличных домах беседуют. Или хамьё этому не обучают?

Тут он, наконец, меня заметил – белки глаз налились кровью, белесый «ёжик» волос встопорщился, ручища дёрну-

лась вверх...

Бог ты мой, распальцовка! Классический «веер» с выдвинутыми вперёд большим и мизинцем. Где же в последний раз я сталкивался с подобной манерой общения? В Саха-Якутии на прииске, что ли?

Удар по щиколотке, захват – и амбал бухнулся передо мной на колени, с мучительным оскалом хватаясь свободной лапой за мой брючный ремень. Подержав несколько секунд, я отпустил его выгнутые донельзя пальцы и основанием ладони от души залепил ему в лобешник.

Он вылетел из комнаты и шмякнулся на спину – аж дощатый настил загудел! Я вышел следом на случай, если у него ещё сохранились остатки боевого пыла.

Оказалось, да – и в изрядном количестве! Вскочил, заорал, налетел...

Мне надоело тратить время на ненужную возню, а серьёзным противником он не был. В следующее мгновение я уже вёл его, согнутого пополам, с заломленной за спину рукой к скрипучей лестнице. С трудом преодолев соблазн как следует поддать под объёмистый зад, несильно пихнул боком на перила.

Поверженный мордоворот проехал по ним животом и грудью ступенек шесть-семь, после чего кое-как затормозил. Закурив, я прислонился к стене, запрокинул голову и с силой выдохнул дым.

Подниматься ему не имело теперь никакого смысла –

эффектный полёт вверх тормашками был бы обеспечен. И с неизбежным травматизмом. Тем не менее, он не отступил, а остался стоять, тяжело дыша и с ненавистью глядя на меня.

На площадку выскочила Рената, причём с самыми решительными намерениями. Вот она жалости не знала и вполне могла здорово искалечить любого. Я лениво дал отмашку.

– Семе-э-эн! Отчего я слышу шум, но не вижу драки?

Я удивленно скосил глаза, услышав сей явно провокационный вопрос, заданный гнусавым, но звучным тоном. Впрочем, копирование знаменитых одесских интонаций отличалось слишком уж нарочитой подчёркнутостью.

Внизу, на самой первой ступеньке, стоял, уперев руки в бока, мужчина средних лет в прекрасном чесучовом костюме канареечного фона и в белой ковбойской шляпе с лихо загнутыми полями. Она придавала вальяжному господину второсортный киношный вид, но в то же время неплохо сочеталась с его, очевидно, привычной манерой игры в новенького русского из провинции.

То, что на самом деле он не был никаким «новым» – то есть, не мог себе позволить сорить деньгами, ощущая сладкую свободу вседозволенности, – стало ясно после того, как мне удалось разглядеть его обувь. Лёгкие китайские кроссовки, конечно, подходят для летнего сезона как нельзя лучше, но ни один действительно крутой мэн не наденет подобную дешёвку даже на утреннюю пробежку. А уж про выход

в город и говорить нечего. До уровня младшего Рокфеллера, который мог запросто появиться на званном приеме в шортах, старой майке и тапочках на босу ногу, нашим доморощенным нуворишам ещё расти и расти...

Семён на откровенную подначку клевать не собирался – парочки преподанных мной примеров наказания за плохое поведение на чужой территории ему вполне хватило. Отступить же не позволяла ущемлённая гордость, и он продолжал грозно вращать челюстями и разминать могучие кулаки. Надо полагать, исключительно в массажных целях.

Его канареечный хозяин немного подумал, а затем снял свой «стетсон», обнажив весьма заметную плешь, и стал неторопливо подниматься, насвистывая что-то легкомысленное. Благоразумно остановившись на некотором расстоянии от меня, он обстоятельно пригладил свою лысину и коротко сказал:

– По делу. Можно пройти?

Я глянул в сторону Ренаты, но её уже не было. Пришлось неопределённо пожать плечами и столь же кратко ответить:

– Прошу вас.

Сделав правой рукой вежливый, приглашающий жест, я провёл клиента через холл, распахнул перед ним дверь в контору и...

И подивился, с какой оперативностью её обитатели навели идеальный порядок. Ни малейших следов недавнего бурного застолья: помещение проветрено, пол подметён, столы

убраны – ни бутылок, ни закусок, сплошные бумаги и офисное оборудование, а сотрудники прилежно трудятся на своих рабочих местах. Тарас Давыдович что-то сосредоточенно вычислял на карманном калькуляторе; Михаил, его тёзка по отчеству, с неменьшим вниманием изучал экран компьютера; фройляйн Рена деловито стучала дыроколом, а Лизавета свет Леонидовна, как и положено начальнику, вдумчиво подписывала какие-то бумаги. На мое появление с гостем они отреагировали равнодушными взглядами.

Инициативу взял на себя Канер. Выдержав очень точную по длительности паузу, он всем корпусом развернулся к нам и, сдвинув очки на кончик носа, поинтересовался:

– С чем господа пожаловали?

Множественное число получилось из-за «шестёрки» Семёна, который хоть и находился в отдалении, тем не менее, был хорошо виден.

Господин в чесуче не торопился с ответом, а сперва визуально с дотошностью изучил вопрошающего. Наконец, он решительно шагнул вперёд и повторил, что хочет видеть босса.

– Наш босс на первоначальном уровне переговоры не ведёт, – любезно известил Канер. – Вам придётся изложить своё дело мне.

Было заметно, что такой поворот событий клиента не слишком устраивает – впервые на его круглой физиономии появилось растерянное выражение. Напускная важ-

ность улетучилась, и сейчас рядом со мной стоял обыкновенный вспотевший мужчина заурядного внешнего вида без особых примет, кроме шарообразного брюшка.

Он достал платок и дважды промокнул лоб. Сокрушённо вздохнул и направился к Мишиному столу. Положил на его краешек шляпу, потом уселся в креслице и, помедлив, сообщил:

– Мне должны деньги. И не хотят отдавать.

Канер сочувственно покивал и спокойно предложил:

– Подробнее, пожалуйста. Но сначала основные анкетные данные.

– Ах, да, извините... – спохватились напротив. – Нефилов Виктор Павлович, владелец кафе «Калифорния», что на улице Революций. Можно запросто Витя, без церемоний...

– Для первого знакомства рановато, – возразил Канер и нетерпеливо постучал маркером. – Итак?

– У меня есть один приятель, – начал Нефилов. – Взял, скотина эдакая, кругленькую сумму в долларах взаймы сроком на восемь месяцев – без процентов, разумеется, по дружбе – а обратно ни в какую! Уже с годик как прошло...

Миша толчком указательного пальца вернул очки к переносице и задумался. Глянул на дисплей, сделал полный оборот на своем вращающемся стуле, внушительно кашлянул. И тут послышался медовый голосок Елизаветы Леонидовны:

– Михаил Давидович, душка, это как раз по моему профилю! Препроводите сюда клиента, *Картвел*.

Я не сразу понял, что она обращается ко мне, а затем вдруг сообразил, что в своих чёрных брюках и чёрной рубашке с короткими рукавами напоминаю типичного наёмного телохранителя!

Непривычная роль. Впрочем, как и всё остальное.

Тем не менее, я выпрямился и, представ перед Виктором Павловичем, вновь приглашающе вскинул ладонь. Подвёл его к столу Лозанниковой... и застыл в неподдельном изумлении.

За какие-то несколько минут женщина совершенно преобразилась. Волосы были уложены в затейливую причёску с вульгарной косой чёлкой, ниспадавшей на левый глаз; губы ярко накрашенны, приличное платье превратилось в откровенное «мини». На безымянном пальце правой руки появилась блатной отрицаловский «перстень», а чуть повыше запястья – тусклая синяя татуировка «Рождена без счастья»...

– Вы, кажется, хотели видеть главного? – всё так же медово пропела она. – Я к вашим услугам. Располагайтесь поудобнее, побеседуем! А ваш мальчик пускай подождёт в вестибюле – он несколько дурно воспитан. Рена, дайте молодому человеку журнальчики с голенькими девушками. И с юношами, на всякий случай... Если невзначай перевозбудится, то туалет у нас во-он там. И салфетки надушенные имеются. А вы не стесняйтесь, закуривайте!

Царственным жестом Елизавета Леонидовна выложила на столешницу початую пачку «Беломорканала», при одном

взгляде на которую господина Нефилова прямо-таки пере-
косило.

– Спасибо, но я предпочитаю «Марльборо», – буркнул он,
доставая вычурный серебряный портсигар. Лозанникова по-
нимающе усмехнулась:

– Сразу видно делового человека новой формации! В на-
ше время этим баловалась только фарца да валютчики, а лю-
ди старой закалки ни-ни! Кстати, я не представилась – что ж,
зовите Элизой. Можете добавить слово «госпожа».

– А ежели по понятиям? – понизив голос, быстро спросил
Нефилов. Усмешка у женщины исчезла.

– Кое-где меня знают как «Лизку-Лезвие» или «Бритов-
ку», – процедила она, – но это в строго определённых кру-
гах. Да, там и нынче свои привычки не меняют – пьют чи-
стую водочку, табачок употребляют совдеповских марок...
Но не будем спорить о вкусах. Вот и зажжённая спичеч-
ка... так, засмолили? О, какой непривычный запах! Их, во-
обще-то, курят или облизывают?

Виктор Павлович закашлялся и положил сигарету на же-
лобок стеклянной пепельницы.

– Я не из деловых, – объявил он. – Ни с какого боку. Иначе
к вам не пришел бы.

– Давайте начнём немножко с другого конца, – (голос Ели-
заветы Леонидовны изменился и стал жёстким). – Почему
со своей бедой вы не явились к Овалу? Или к его извечному
конкуренту Зацепе?

– Нет смысла, – покачал головой Нефилов, – я навёл справки. Овал как раз и даёт Пачулину «крышу», а Цепь сейчас открытую войну не начнёт. Да и сумма по его меркам незначительная...

– А какая именно?

Нефилов назвал. Лозанникова хищно улыбнулась:

– Пожалуй... За такие деньги ставить на ножи грех, но и прощать жалко!

– То-то и оно. А кроме того, тут есть ещё парочка скользких обстоятельств, которые местной братве не по зубам. И вот я...

Он замолчал и неожиданно полез за «Беломором». Лозанникова дала прикурить от своей папиросы и стала ждать объяснений. Однако клиента словно заклинило – сидел и дымил в напряжённой позе, уставившись в пол.

Его размышлениям никто не мешал, хотя все сотрудники «Посредника» за ним наблюдали – Рената и Канер незаметно, а Нечитайло в открытую и очень мрачно. Я же застыл возле начальницы в классической позе эсэсовского охранника: ноги на ширине плеч, руки перед собой на уровне живота, правая сжимает запястье левой. Взгляд, естественно, неподвижный и бездушный...

– Кто за вами стоит? – разродился, наконец, вопросом Нефилов. – Москва?

– Какой вы, оказывается, любопытный мужчи-и-ина! – с иронией протянула Елизавета Леонидовна и потушила оку-

рок. – Допустим, Балашиха. Или Электросталь. Или, скажем, Раменское... Так ли уж важно?

В приступе очередной задумчивости гость перевёл свои очи теперь на потолок, явно вспоминая, кто именно из крутых криминальных авторитетов проживает в названных городках. Вспомнил – и аж привстал от почтения.

– Приятно слышать, приятно слышать! – воскликнул он. – Теперь я уверен, что получу здесь действенную помощь!

И он без промедления выложил свою историю.

Итак, по словам Нефилова, с год назад он ссудил своему тогдашнему дружку Евгению Ивановичу Пачулину, торгующему молдавскими и азиатскими коврами, просимую им сумму под грамотно составленную расписку. По истечение оговоренного срока Пачулин попросил отсрочить платеж на два месяца, каковые и были ему любезно предоставлены. Затем отсрочка потребовалась ещё на столько же – с этим нехотя согласились, но уже без какой бы то ни было любезности. В конце концов, потерявший терпение Нефилов вместе с присутствующим здесь помощником Семёном и отсутствующим шофером Вякой заявился на квартиру к должнику и потребовал расчёта. В ответ трагически развели руками и признались в полнейшем банкротстве, после чего предложили взыскать деньги через суд.

Возмущённый Виктор Павлович пригрозил негодному Евгению Ивановичу, что тому не поздоровится, и дал сорок восемь часов на раздумье.

Как оказалось, бывший друг соображал весьма шустро, так как уже на следующий день рабочий кабинет господина Нефилова посетила милиция и увезла его хозяина с собой без разумных объяснений. Если, конечно, не считать таковыми ссылки на необходимость беспощадной борьбы с обнаглевшей оргпреступностью.

В Кировском райотделе города Ольгова гражданина Нефилова ознакомили с заявлением гражданина Пачулина, где жуткие угрозы первого в адрес последнего подтвердились двумя посторонними свидетелями, и вежливо посоветовали умерить свои агрессивные наклонности. Иначе ему неизбежно придётся отправиться малой скоростью в весьма отдалённые места. И надолго. Ну а если с заявителем в ближайшее время произойдет некий подозрительный несчастный случай, то последствия для обвиняемого будут настолько тяжёлыми, что об этом и говорить не хочется. Умный человек сам всё поймёт...

Виктор Павлович глупым не был и осознал всю серьёзность возникшей ситуации. Особенно после того, как его «Калифорнию» и «Клуб знатоков спорта» внезапно закрыли на три недели по причине антисанитарии и опасности возгорания («...да отродясь тут проблем не было! Исправно же плачу и врачам, и пожарным...») Решив бороться с неожиданно влезшим в его личные дела государством государственными же методами, он подал иск в суд.

Ответчик гражданин Пачулин на судебное разбиратель-

ство явился и вовремя, и без принуждения. Он ничего не отрицал и добровольно соглашался ежемесячно выплачивать истцу даже не положенные по местному закону 30% от заработной платы, а все пятьдесят! Судьи прямо-таки умилились от подобной сознательности и намекнули обоим бизнесменам, что самый раз пойти на мировую.

Истец гражданин Нефилов был от чувства умиления весьма далёк, так как выяснилось, что и торговые павильоны «Ковры», и квартира, и машина по всем официальным бумагам принадлежат не Евгению Ивановичу, а его жене, Василисе Дормидонтовне. Финансовые накопления тоже – и ко всем этим ценностям подступиться никак невозможно опять-таки из-за особенностей местного законодательства. А сам он гол, как сокол, да к тому же хронически болен туберкулёзом, что и подтверждается справкой. Работает же сторожем с месячным окладом в девятьсот рублей. То есть, примерно, в тридцать долларов...

– Нет, вообразите себе, какой пассаж! – возмутился клиент. – Это означает, что расплачиваться со мной ему придётся многие десятилетия!

– Предусмотрительный товарищ, – хмыкнула Елизавета Леонидовна. – И как долго жить собрался! Значит, у него прочнейшие связи в городской мусарне? И среди следаков?

– В прокуратуре не знаю, а вот у ментов – да, – угрюмо подтвердил Нефилов. – На уровне двух звезд средней величины.

– Ого!

Лозанникова нахмурилась и пристукнула по столу костяшками пальцев. Затем вопросительно глянула на Ренату.

Та, не поднимая глаз, уточнила:

– Этот милицкий чин чистый? Или его подкармливают?

– Ни в малейшей степени, – с сожалением ответил Нефилов. – Ни в каких связях с братвой не замечен. Как у вас говорят, «правильный мент».

– Вы начитались литературных сказок, таких не бывает, – отрезала Рената. Посмотрела за окно и добавила: – За редчайшими исключениями. Так... Это, случайно, не подполковник Григуленко?

– Он самый, – подтвердил Нефилов. – Какой-то дальний родственник Пачулина.

Елизавета Леонидовна задумчиво покивала. Встала, прошлась по комнате, прикрыла поплотнее дверь в коридор. Вернулась и вновь села, закинув ногу за ногу. Небрежно осведомилась:

– Так что же у вас на уме, милейший Виктор Павлович?

Тот в свою очередь придвинулся ближе и, в очередной раз понизив голос, сказал:

– Давайте так: я переоформляю долговую расписку Пачулина на вашу фирму – по закону, официально, причину мы придумаем вместе, – а вы стребуете с него долг. Половину – вам.

– Как занимательно! – нехорошо засмеялась Лозанникова. – Стало быть, по-вашему, ольговские за немножко трудиться не хотят, а московские с радостью ринутся? Вы чем думаете, дядечка?

– Зацеповским я предлагал всего треть, – обиделся Нефилов, – можете судить, насколько выше я вас ставлю! Согласен, по столичным меркам, это не доходы, но... Чёрт возьми, тут же не в одних деньгах дело! Ведь не для торговли убогими домишками Олег из Раменского создал здесь эту контору?

– Тихо-тихо, попрошу без имен! «Да» и «нет» не говорить, «белого» и «чёрного» не называть!

В разговор вдруг вступил Канер. Проделав очередную манипуляцию со своими очками, он сказал:

– Не так давно у нас произошла такая забавная история. К владельцу нового автосервиса пожаловали некие пацаны и потребовали платить дань. Мальчиков попросили зайти на следующий день. А когда те явились, их уже ждали люди в масках, при дубинках и спецсредствах для укрощения строптивых. Повязали, увезли, предупредили и отпустили с миром. Как оказалось, крышу сервису давали менты...

– Конкретно, капитан Углов, – выдала справку Рената. Михаил кивнул:

– Он самый. Продажный, пробы ставить негде... Пацаны всё поняли и исчезли недельки на четыре, после чего неожиданно наехали снова. Хозяин, естественно, сразу позвонил

своему капитану, а тот упавшим голосом сообщил, что ничего предпринять не в силах – сверху строго-настрого приказали к этому автосервису больше ОМОН не высылать. То есть, за месяц братва нашла подходы к более высокому милицейскому начальству. Вот мне и хочется уточнить: нам, часом, не это ли предлагается?

– Помилуйте, господа, – воскликнул Нефилов, прижав обе руки к сердцу самым убедительным образом, – да разве я вправе что-либо советовать?! Осмелюсь только заметить: метод нажима на низших легавых через высших – в данном случае, через Автономию или даже через Москву – оправдан лишь для очень крупных комбинаций. Мне кажется, будет проще хорошенько ущемить бизнес Пачулина за пределами Ольговского района. Ему же приходится самолично разъезжать в поисках товара! На молдавском направлении его и можно прищучить. У местных для такого размаха руки коротки, а рамен... ваши запросто дотянутся. Да и уровень наезда совсем другой. От столичных браточков так легко не отмахнёшься – везде достанут!

– Ему, видите ли, «кажется»! – фыркнула Елизавета Леонидовна. – Картвел, как вам это нравится?

Я не знал, что ответить, ибо перестал что-либо понимать в происходящем действе. Шарик в мозгу заехал за ролики – соображение полностью заклинило. Ничего не оставалось, как остаться в пределах навязанной мне роли и деревянным голосом с ужасающим акцентом отстучать:

– Нада... э-э... паразмыслить, да. Падобный дел с ходу нэ решаюцца...

– Разумно, – согласилась Лозанникова. – Значит, моё решение будет таковым: господин Нефилов платит нам аванс в размере пары тысяч «зелёных», а мы проводим собственное небольшое расследование согласно изложенным фактам. Заодно их и проверим... Ровно через две недели последует ответ: либо наша фирма берётся за это дело, либо предоставляет точный отчёт, как именно и на что потрачены авансовые деньги, и возвращает остаток. За вычетом вознаграждения моим людям, естественно. Итак?

Трудно передать всю гамму чувств, возникшую при этих словах на лицах двух мужчин и одной женщины. Скажу лишь, что гений Канер плотоядно облизнул губы, у моей Рены по-кошачьи загорелись глазки, а вот пан Нечитайло помрачнел дальше некуда. Я же как был неподвижной статуей, так ей и остался.

Зато Виктор Павлович выглядел более чем удовлетворённым – даже ладони слегка потёр. Вытащил из внутреннего кармана бумажник, раскрыл и выложил двадцать купюр по сто долларов, а также злополучную расписку. Все это Лозанникова небрежно смахнула в ящик своего стола.

– Мишель, подготовь стандартный договор о предоставлении услуг, – распорядилась она. – И не забудь сумму проставить в рублях, а то вас вечно тянет к западным ценностям...

– А нужна ли нам бюрократия? – неожиданно засомневал-

ся Нефилов. – Я так понимаю, что не в игорном доме нахожусь, здесь не «кидают»!

– Спасибо за лестное и справедливое мнение, – церемонно поблагодарила Елизавета Леонидовна и бросила через плечо: – Можете не трудиться, Мишель, клиент нам доверяет... Кстати, я забыла узнать, каким образом он на нас вышел?

Потянувшийся за шляпой, Виктор Павлович замер и удивлённо поднял брови:

– Да объявление ваше прочитал в газете! – простодушно пояснил он. – Там же всё чёрным по белому расписано: взаиморасчёты, посредничество, улаживание претензий... Кто еще, кроме «козырной масти», этим в России серьёзно занимается?

Он грузно поднялся, нахлобучил по самые уши свой «стетсон» и, почтительно качнув сим предметом, вышел. Из холла донеслось его повелительное: «Семэ-э-эн, за мной!», затем шаги вразнобой, и всё стихло.

Тишину, повисшую в комнате, вполне можно было назвать театральной с поправкой на отсутствующих зрителей. Что же касается импровизированных актеров, то они терпеливо ожидали разъяснений от госпожи режиссёрши.

Впрочем, я забыл упомянуть одного стопроцентного статиста. Который первым и выступил.

– Елизаветушка, драгоценная вы наша, – откашлявшись, произнёс со своего места Тарас Давыдович, – я всегда ис-

кренне преклонялся перед вашими актёрскими способностями. Но сегодня, ей-ей, вы малость заигрались...

Лозанникова покраснела и опустила голову.

– Простите меня, ради бога, за то, что я втравила вас в эту историю, – по-девчоночьи шмыгнув носом, сказала она. – Просто, когда этот кабан вообразил, что угодил к настоящим ворам... или к их ставленникам, один чёрт, я не удержалась...

– Предупреждать надо, а то уже не знаешь, что и думать, – проворчал я и с облегчением принял сидячее положение. – Дайте хотя бы папироску, господу удавы...

– Между прочим, Дато Вахтангович, как говорят детишки, вы первым начали, – не без язвительности выдал Канер. – Такого вышибалу из себя изобразили – любо-дорого было глядеть!

– Виноват, перестарался...

– Хорошо понимаю. Но и вы оцените спонтанность последующих событий! Я машинально принял от вас эстафету, Леонидовна тоже не удержалась... и пошло-поехало!

– А что такого уж страшного произошло? – вскинулась Рената. – В тот момент, когда мы пойманными рыбками начали судорожно биться об лёд, проходивший мимо доброхот спихнул нас обратно в прорубь! Предлагаю такую последовательность действий: сейчас мы продолжим отмечать приезд моего старинного приятеля батона Гедехаури, – но уже с совершенно другим настроением, – а завтра всей шарогой

с упавшими с неба денежками отправимся к Грубиянову. Погасим долг и потребуем передать управление фирмой Лозанниковой. Нет, лучше перерегистрируем, с новым уставом и названием. Думаю, он не откажется – какая ему разница: банкротство или фиктивная продажа, причём с нулевым балансом, а не с отрицательным? И начнём новую жизнь!

– Ага, и дело останется за малым: «уговорить Ротшильда», – охладил ей пыл Нечитайло. – Слышали такую сказку? Так вот, я всего лишь бывший армеец и школьный военрук, в воровские дела никогда не влезал и, честно говоря, не представляю, какую могу оказать помощь в задуманной вами аванюре. И кроме того...

– Насколько я понимаю, – перебил его Канер, – в этом помещении находятся два классных оперативника, одна превосходная актриса, один недурной аналитик. Согласно голливудским канонам не хватает, пардон, громилы... Не обижайся, тёзка, но ты же любую уличную драку способен в два счёта остановить! Вплоть до поножовщины, сам видел. Да и Рената кое-что рассказывала... Откровенно говоря, я боялся, что ты не вытерпишь и вломишь этому «Семэну» так, что никакая больница потом не приняла бы...

– Ну, спасибочки, оценил, – буркнул, в общем, польщённый Тарас Давыдович. – Ребятушки, дорогие мои, неужто вы всерьёз? Да что вообще мы можем сделать!

– Я буду заниматься этим делом даже в одиночку! – задиристо выкрикнула Рената. – Мне нужны деньги!

– Можно подумать, будто остальному человечеству нужно что-то другое, совсем экзотическое, – с иронией отозвался Канер. – Но сейчас, в первую очередь, необходимо решить другой, наиглавнейший вопрос, и он стоит так: мы по-прежнему вместе или разбегаемся?

– Я поддерживаю предложение реночкисначаланеобходимо восстановить фирму! – горячо затараторила Елизавета Леонидовна, почувствовав, что ругать её больше не собираются. Переведя дух, она продолжила уже более внятно: – Ведь мы столько труда в неё вложили! Картотеку на рынок недвижимости богатую собрали, деловыми связями обзавелись... Разве нам плохо работалось? А, Мишенька?

– Потому и спрашиваю. Я-то сам «за», только голосованием, даже тайным, здесь не поможешь.

Тут я заметил, что Рената пристально смотрит на меня. Пока мои немногие мысли строились в порядок, она стремительно атаковала:

– Генацвале, а ведь ты раньше понимал намёки с полуслова!

Поскольку я и впрямь безнадёжно тормозил, мне снисходительно пояснили:

– Фразой о двух присутствующих здесь оперативниках Михаил фактически признал тебя членом нашей команды, а ты ни капельки не обрадовался!

Подобное нахальство её всегда отличало и, как правило, действовало на меня безотказно. Но в эту минуту я ощущал

себя кем-то вроде странника, умирающего от жажды в пустыне и мечтающего о маленьком глоточке воды, – а к нему подошли и окатили прямо из ведра. Но почему-то лишь ноги...

Заметив, что после её выпада я, выражаясь боксёрским термином, «поплыл», чуткая девушка тут же заботливо меня утопила:

– Кстати, лично тебе совсем не обязательно влезать в криминальные и прочие проблемы этого самого Нефилова. Будешь заниматься легальным посредничеством и маркетингом, как и договаривались.

Наверное, я представлял собой унижительное для гордого кавказского человека зрелище, так как Нечитайло поспешил перевести разговор на свою персону:

– А обо мне как бы и позабыли? Одарили мужским комплиментом, и ладушки?

– Да куда ж вы от нас денетесь, родной Тарас Давыдович! – всплеснула руками Лозанникова, источая натуральную медовую амброзию вперемешку с малиновым сиропом. – У самых истоков предприятия, можно сказать, стояли! Я-то очутилась здесь исключительно благодаря вашей благожелательной рекомендации! Вам и карты в руки: обучите Дато Вахтанговича всем премудростям и тонкостям нашего ремесла! Так сказать, поможете войти в колею...

– Ай, как славно придумано! Два мужика станут бумажки перекладывать, а две девчонки да зелёный хлопец к бан-

дюкам на разборки поедут? – Нечитайло сердито пошевелил усами и просто сказал: – Не бывать тому, Лиза.

– Ах, «зелёный хлопец»?! – неподдельно возмутился Канер. – А не припомните ли, сколько хвилин ваша могучая милость тужилась да потела, прежде чем кое-как, с грехом пополам, уложила мою руку на стол в честном мужском состязании по армрестлингу? Уж никак не меньше двух! Симпатичнейшая арийско-маньчжурская барышня Рената была свидетельницей и активно за меня болела... Ну а как насчёт того, чтобы продолжить игры на моём поле? Не желаете ли сесть вот за этот селероновый «пенёк» – не в целях поедания принесённого из дома пирожка, разумеется, а для установки какой-нибудь плёвой программки? Ась? Ой, а вы чтой-то перепугамши? Ой, и в лице переменимши? И даже верхними конечностями суетливо замахамши?

– Всё равно ты ещё мальчуган, коли так выпендриваешься, – отпарировал Нечитайло. – И в армии не служил.

– Само собой. Я же, как говорят на Молдаванке, немножко не клинический идиёт.

– Родители отмазали...

– Ну да. Они ведь тоже не придурки.

– И болезнь себе заграничную сочинил! Эту... как там её... Арах... тьфу ты, чёрт, без стакана и не выговоришь... Арахнофобию, во!

– Тарас Давыдович, да вы, никак, сами головушкой хвораете? – под всеобщий необидный смех изумился Канер. – Да

я сроду пауков не боялся! По справке у меня «агорафобия», то бишь бессознательный, навязчивый страх перед большими пространствами. Но это для страховки от слишком дошных военных эскулапов. А так вашему покорному слуге, ежели скаламбурить, и близорукости за глаза хватает для белого билета!..

Не знаю отчего, но мне вдруг стало на удивление легко. Казалось, что я знаком с этими людьми давным-давно, но вместо того, чтобы быть рядом, по прихоти злого рока (или по собственной беспечности) лет двадцать мотался по огромной бестолковой стране, послушно выполняя чужие приказы, порой на редкость противоречивые, вплоть до этой самой бестолковщины. Да, теперь я был полностью свободен, но свалившееся в качестве довеска гнетущее одиночество оказалось слишком тяжёлым и для моего нынешнего возраста, и для темперамента...

Я пружинисто поднялся, сдёрнул со стула свой пиджак, облачился в него и подчёркнуто застегнулся на все пуговицы. Подошёл к Лозанниковой и спросил:

– Когда можно будет написать заявление о приёме на работу?

Елизавета Леонидовна расцвела. Михаил захлопал в ладоши, а Рената тихо взвизгнула и, кошкой перескочив через стол, сиганула мне на спину и со вкусом чмокнула в ухо. Тарас Давыдович ограничился традиционным: «Добре, добре...»

Вмиг на столах вновь, как из-под земли, возникли напитки-закусочки, и пирушка возобновилась, но уже с совершенно иными эмоциями. «Хванчкара» (мало похожая на настоящую) бесцеремонно мешалась с водкой и заедалась чем попало, а шампанское вообще шло вместо прохладительного газированного напитка. Беззаботно шутили, судачили, гомонили... Мужчины в меру раскраснелись, а дамы слегка зарумянились. Лозанникова то и дело звонко смеялась, красиво откидывая голову назад и рассыпая наспех придуманную прическу. Улучив момент, я не удержался и как можно деликатнее поинтересовался, откуда у неё столь приличное знание блатных манер и символики.

– Перед вами бывшая «прима» городского драмтеатра! – не без гордости представились мне. – Играла и Соньку Золотую Ручку, и даже известного персонажа из репертуара Фаины Раневской! Помните её уголовницу-барыгу? «Таки шо вы говорите?» – (она сощурила глазки, превратив их в поросычьи, часто-часто ими заморгала и очень натурально скопировала интонацию великой актрисы). – И вдобавок недурная рисовальщица – эскизы своих театральных костюмов сама готовила. Когда этот туповатый Нефилов отвлётся, я успела кое-чего изобразить на руке стареньким фломастером. Виктор Палыч – явный лох, за версту видно, и подлинник от подделки вряд ли отличит. Так оно и вышло. Ой, побегу в умываленку, смою это безобразие...

4. Грузин и азиатка

– Проходи, – сказала Рената после того, как вдоволь поколдовала с ключами. – Не забывай, что ты в гостях, но будь как дома!

Едва я вступил в узкую прихожую, как она сама собой осветилась. Мягкое неоновое сияние охватило меня, казалось, отовсюду: жёлтыми, лунообразными пятнами с потолка и длинными синеватыми полосками со стен. Луны пылали ровно и меланхолично, а вот настенные линии вели себя исключительно игриво, то и дело начиная подмигивать слева или справа. Процесс переодевания-переобувания при этом весьма оживлялся, но долго находиться в этих переглядках было утомительно.

– Евроремонтник? Или досталось от предыдущих хозяев? – поинтересовался я, и, услышав хвастливое: «Самые натуральные Эльзас и Лотарингия в моём исполнении! Как в лучших домах Парижу и Козлодую!», со вздохом выразил сомнение в полезности подобных спецэффектов. Как для постоянного зрения, так и для переменчивого содержимого кошелька.

Рената фыркнула, задрала нос и глянула на меня с прищуром из-под чёлки ну исключительно по-европейски – то есть, политкорректно и скучающе. Что совершенно не вязалось с её типично азиатским личиком в целом и плутовски-

ми ямочками на щёчках, в частности. Впрочем, точно с таким же выражением на лице она могла без замаха ударить под вздох.

– Ты же знаешь, что в моём характере причудливо сочетаются тяга к восточной вычурности и сумрачный германский гений! – назидательно напомнили мне. – Восток ты только что увидел, теперь покажем тебе «долину, где Эльба шумит»...

– Надеюсь, что на ближайшем ко мне берегу там найдется и диванчик, – высказал я пожелание. – Ужасно хочется вытянуться во весь рост и понежиться – в автобусе было чересчур жёстко.

– Ха! – на выдохе звучно выдала хозяйка квартиры. – Мягких предметов, способствующих искривлению позвоночника, не держим! И вообще центральная зала не для тебя.

С этими словами меня прихватили за плечи и втолкнули в первую по ходу коридора комнату, где включили нормальный люстровый свет опять-таки нормальным образом, шлёпнув ладошкой по тумблеру справа. Я непроизвольно замер на полушаге, сражённый минимализмом комнатной обстановки: прямоугольный стеклянный столик на паучьих ножках посередине, квадратные «геометрические» кресла с обеих его сторон, причудливая стеклопластиковая конструкция с полным компьютерным набором у одной из стен и внушительная рамка плоского телевизора на стене другой. Встроенные шкафы и откидную кровать удалось заметить не сра-

зу – зато огромное центральное окно поражало воображение. Слишком уж вызывающе для третьего этажа обычного постсоветского дома. Даже если полностью прикрыть непроницаемой чёрной портьерой. Что и было незамедлительно исполнено.

– Дизайн вовсе не офисного типа, как ты мог бы ошибочно подумать, а ретро-коллекционного! – гордо сообщила Рената. – Один голландский модельер придумал.

– Сразу видно, что он не любитель чтения, – заметил я. – Ах, если б ты видела старые ореховые полки в телавском доме моих родителей! И книги на многих языках...

– И уж на русском их было меньше всего? – съязвила новоявленная поклонница нидерландской минималистики. – Да и те небось исключительно о разлюбезной Грузии? На самом видном месте, конечно, «Давид Строитель» бывшего вашего пахана Звиада Гамсахурдиа, ага? Которого вовремя пристукнули brave парни из «Мхедриони»!

– Не Звиادا, а Константина! – улыбнулся я. – Константина Гамсахурдиа. Впрочем, у нас Толстых тоже путают...

– Вот видишь! – (парадоксальная женская логика, как всегда, поражение нахально выдала за победу). – Я и говорю, у вас сплошная литературная неграмотность! А вот мы, славяне, вашу «Тигриную шкуру» отлично знаем! Как это там... «Что украл ты – то без толку, что отдал – считай, сберёг»!

Я отвернулся, покусывая губы, чтобы откровенно не рассмеяться. Подобная, с позволения сказать, «великодержав-

ность» время от времени накатывала на Ренату приливами, после чего смуглолицая и раскосая славянская националистка надолго возвращалась к своему привычному состоянию азиатской космополитки. С поправкой на неистребимую миллицейскую составляющую...

Решив, что о культуре было сказано достаточно, хозяйка голландско-ольговских апартаментов перешла к сугубо практической деятельности и погнала меня в ванную («Десять минуточек, не больше! Засекаю по часам!») Касательно самой себя, меня предупредили, что намерены отмокать не меньше получаса («Я по природе плохо переношу алкоголь, ты же знаешь!») Насчет второго она привычно всем врала, ибо могла при надобности запросто осушить стакан водки залпом без особых последствий для собственных разумных действий. А вот что касается этой самой природы...

Не отклонившись от указанного графика ни на минутку, я вернулся в ретро-комнату, закутанный в снятый с вешалки махровый купальный халат (вполне подходящий по размерам), где меня уже ожидали прохладительные напитки различной степени крепости и газированности. Глотнув обжигающе-химической «Колы», я взял со стола дамскую сумочку и быстро исследовал её содержимое. Увидел российский паспорт, раскрыл его и усмехнулся в усы. Всё то же самое, кроме канувшей в небытие пресловутой «пятой графы».

В советское время знакомство с этим главным удостоверением личности вызывало некоторую оторопь у любого граж-

данского лица, не говоря уже о профессиональных кадровиках. Ибо в разделах «фамилия – имя – отчество» вызывающе значилось:

*Це
Рената
Петеровна*

Чуть пониже в качестве национальности стояло не менее удивительное:

Немка

Объяснение этим загадочным записям, разумеется, имелось, но тут никак нельзя обойтись без небольшой истории.

Моя бывшая напарница родилась в Казахстане, где после Великой Отечественной войны 1941—1945 годов вынужденно обосновалось немало светловолосых и голубоглазых мужчин отнюдь не с казахскими фамилиями «Кришталь», «Кунстманн», «Браун» или «Цейс». У последнего из упомянутых, а именно у Ганса Цейса, от брака с одной из местных жительниц родился сын Петер – вполне себе блондин, хотя очи его уже были неопределённо-тёмного цвета. Достигнув зрелого возраста, он неожиданно без памяти влюбился (очевидно, под воздействием более сильных мамашиных генов) не в соседскую белолицую служащую Марту Майер, а в молодую учительницу начальных классов Айгуль Це

японско-корейско-монгольско-якутской наружности, фамилия которой выглядела как наполовину усечённая немецкая. Правда, сама себя она считала чистокровной китайяной, ну а по ксивам гордо числилась «маньчжуркой»...

Писателю Анатолию Рыбакову, сочинившему перестроечно-знаменитых «Детей Арбата», очевидно, лично не приходилось тесно общаться с восточными женщинами, иначе он не написал бы, что они «страстны и покорны». Про первое определение я скромно умолчу, а вот второе ну никак не соответствует жизненной практике. В данном случае молодая жена Айгуль быстро захватила лидерство в добропорядочной немецкой семье, поражая её своей активностью действий и безапелляционностью суждений. А после рождения дочери у Цейсов разгорелись вообще нешуточные страсти, так как ничего арийского в её облике не оказалось, зато азиатского было хоть отбавляй. И мать настойчиво предлагала назвать девочку, к примеру, «Фирузой», а также дать ей свою коротенькую фамилию и свою национальность, мотивируя это тем, что в СССР представителям народных меньшинств куда легче пробиться по жизни (зачастую так оно и бывало, хотя до определённого момента, когда на первый план выходили чисто деловые качества и способности). Кроме того, она напирала на свою родовитость и принадлежность к древним династиям Хань и Мин, в доказательство чего зачитала вслух длиннющие отрывки из неизвестной рукописи на неизвестном певучем, многотональном языке. Терпеливо

выслушав всё это, бедный Петер в очередной раз внимательно-нейшим образом всмотрелся в свой ненаглядную кроху – увы, абсолютно ничем на него не похожую – и частично согласился на материнское предложение. Однако он отыгрался на этой самой «пятой графе», причем вполне конкретно, сравнив исторические родины, на одну из которых их ребёнку в будущем, возможно, захочется вернуться. Германская Демократическая Республика (сиречь ГДР) была вполне развитой и культурной европейской страной, чего никак нельзя было сказать о китайской Маньчжурии тех лет. Айгуль сей нюанс оценила и признала, хотя и не сразу, и даже не стала настаивать на звучной «Фирузе». Правда, в итоге анкетные данные выглядели всё равно довольно нелепо, зато, как водится на Руси, каждый настоял на своём.

С редкой своей фамилией маленькой Ренате пришлось испытать немало проблем в советских школах, где не упускали ни малейшей возможности к чему-нибудь прицепиться и начать задразнивать до слёз. Поэтому ехидное: «Эй, девочка, а ты и правда „це“? Или, может, уже давно не „це“, ась?» ей приходилось выслушивать чуть ли не каждый день. С возрастом, однако, количество шутников резко уменьшилось, ибо обижаемая немедленно вступала в нешуточную драку, которую вела всеми подручными средствами. На очередное учительское известие об агрессивных наклонностях дочери родители реагировали вполне единодушно: мама прижимала к себе насупленную Рену и гладила её по голове, а отец

коротко ронял: «Gut...»

Вполне возможно, что именно удачные силовые опыты в качестве наилучшего способа восстановления справедливости повлияли и на выбор профессии: общеобразовательное учебное заведение вскоре сменила школа милиции, где курсантка Рената Це начала с большим интересом изучать криминальный мир страны Советов. А также достаточно часто контактировать с ним. На осторожные замечания всезнающих подруг-сокурсниц неизменно следовала ответная цитата из классического сериала «Рождённые революцией»: «А вы полагаете, что можно справиться с преступностью, не общаясь с нею?» О том, что эту сакраментальную фразу произносил в фильме бандит Плавский, маскировавшийся под чекиста, старались не упоминать...

Аналитический ум и прирождённые склонности к овладению техникой рукопашного боя не остались незамеченными: Ренату начали привлекать к сложным силовым операциям, где в качестве отвлекающих и маскирующих персонажей были необходимы представительницы прекрасного пола. Ко всему прочему у смуглой девицы нашлись и неплохие лицедейские способности: она вполне натурально выглядела и в образе строгого очкастого экскурсовода, и в виде малограмотной торговки на рынке, и в облике кокетливой, вертлявой студенточки, и даже в качестве покорной и забитой жены из горного кишлака при деспоте муже-горожанине. Две последние роли мы с ней на пару играли аж четыре раза:

я вальяжно впереди – в кремовом костюме-тройке с барсеткой на запястье, а Рена в халате и тюбетейке уныло семенила сзади с чемоданом и объёмистой сумкой в руках. Однажды эта маскировка сработала на все сто, когда четверо отморожков с дробовиками захватили вестибюль гостиницы – ну а мы в указанном выше прикиде как раз неспешно и спускались им навстречу по широкой лестнице. Двух насмерть перепуганных лохов мужского и женского пола налётчики немедленно присоединили к остальным заложникам, о чём буквально через полчаса, надо полагать, горько пожалели...

Ах, если бы мне удалось перетянуть Ренату из её двуличного уголовного розыска в спецназ окончательно и насовсем! Был удобный момент, когда между нами на недолгое время установились близкие отношения – под воздействием нахлынувших чувств она даже перевелась в мой Таганрог, хотя так и не переехала жить ко мне. Но я то ли промедлил, то ли недооценил опасную активность её тёмных природных склонностей, а когда спохватился всерьёз, было уже поздно. Если раньше моя подруга лишь играла с блатным миром в кошки-мышки, не особо заигрываясь – в меру рассудительных и понимающих жизненные сложности оперов – то теперь у неё имелись неплохие досье и на «авторитетов», и на некоторых милицейских чинов, и на судебных... А вскоре она уже как заправский посредник улаживала криминально-ментовские конфликты; решала споры, грозившие стрельбой и поножовщиной; забивала «стрел-

ки», оказывала и принимала сомнительные услуги, выполняла некие деликатнейшие поручения... И самое нелепое было в том, что ей откровенно нравилась вот такая шальная жизнь! «Отрыжка монтекрстовщины самого дурного толка», – как сказали бы классики... как поначалу полагал и я. Тем более, что от меня практически нечего и не скрывали – наоборот, охотно делились честолюбивыми уголовно-наказуемыми планами и просили воистину иезуитских советов на некоторые случаи жизни. А вот войти в дуэт никогда не предлагали – наверное, срабатывали трезвые, расчётливые гены немецкого папы...

Однажды я не выдержал и в сердцах заявил Ренате, что если она запутается всерьёз в своих интригах, как муха-цокотуха в паутине, то роль бравого комарика-спасителя будет мне не по плечу. Это заявление спокойно приняли к сведению, после чего давно уже заметный холодок в наших отношениях в считанные дни превратился в ровный, устойчивый морозный ветер. Мы перестали встречаться, а затем как-то незаметно и перезваниваться.

Меньше всего мне хотелось, чтобы моё мрачное пророчество сбылось, но чему быть – того не миновать. Рисковая фройляйн Це не просто запуталась, а увязла, в конце концов, по самые уши. Косички у неё не имелось, способностей барона Мюнхгаузена тоже, однако, как выяснилось, маньчжурские боги не обделили вестфальскую немочку ни прагматичностью, ни предусмотрительностью – в итоге честным пред-

ставителям Закона взять её не удалось ни голыми руками, ни с помощью ежовых рукавиц. Куда большую угрозу представляли «законники», и настал день, когда Ренате пришлось-таки просить помощи у меня – впрочем, это она сделала спокойно и деловито, словно мы только-только вчера расстались и в самом хорошем настроении. Правда, требовалась ей всего лишь надёжная городская «берлога», в которой можно было отлежаться некоторое опасное для здоровья время. Таковую мне удалось найти, не выходя на прямой контакт, – и в однокомнатной «хрущобной» квартире недалеко от железнодорожного вокзала Рена провела почти четырёхмесячный карантин, лишь раз в две недели спускаясь в сумерках за продуктами в магазин на первом этаже. Исчезла она из Таганрога незаметно, о чём известила меня письмом уже с берега Татарского пролива – кратко и сугубо информативно, при скромнейшем «спасибо, Дато» в самом конце. Я хорошо понимал, что печально известный порт Ванино, чей почтовый штемпель стоял на конверте, – всего лишь транзитный пункт для моей авантюристки, и не надеялся больше встретиться.

Дни между тем тянулись нескончаемой пряжей, сплетаясь в месяцы и годы, и ничего особенного в моей жизни не происходило. Пока вот, наконец, судьбе не вздумалось отложить свое однообразное рукоделие, ухватить меня за шкурку и как следует пару раз встряхнуть...

– Никак, задремал? Или размечтался?

Драконы, вышитые на полах и на рукавах ярко-красного шёлкового халата, мелькнули возле моего лица вслед за обнажённой коленкой – и через мгновение свежeweымытая и отмокнувшая девушка с одной из самых кратких на свете фамилий расположилась в соседнем «геометрическом» кресле. Подцепила со столика «Фанту», легко вскрыла, приложилась, глотнула, зажмурилась, затем медленно приподняла ресницы – и вдруг заулыбалась во весь рот, вмиг превратившись из современной дамы-госпожи в обольстительную средневековую лису-оборотня. Чаровать влёт она нисколько не разучилась.

– Предавался воспоминаниям, – признался я и, помедлив, уточнил: – Ты да я, да мы с тобою...

– Тревожное занятие! Но порой объявляется как повинность: хочешь не хочешь, а исполняй.

– Спасибо за признание, – (было заметно, как её улыбка потускнела). – Мне, вообще-то, следовало сразу догадаться, где тебя искать.

– А поиски планировались?

Ну и как на это ответить? Еще подумает, что я... Хотя не всё ли равно?

– Говоря языком детей, я долгое время на тебя дулся.

Рената усмехнулась и со стуком поставила на стекло бутылку, чем-то напоминавшую элегантный артиллерийский снаряд. Слегка подалась вперёд и заметила:

– Тебе пришлось потерять и дом, и карьеру, прежде чем

ты уразумел одну нехитрую истину, которую лично я знала с самого детства...

– Судя по сделанной паузе, сейчас последует некая бессмертная цитата из классики? – вяло огрызнулся я. – Ожидаю с нетерпением!

– Изволь: «Всё, чем занимаются люди, настолько безобразно, что нет никакой разницы, на чьей ты стороне».

Я посмотрел на бывшую подругу так, что любая другая женщина на её месте смутилась бы. Ну или хотя бы дерзкие глаза отвела немножко в сторону.

– Ты просто ещё не в курсе *деталей* моих потерь, – (закуривать без спроса было невежливо – впрочем, замечание мне делать не стали). – Расскажу о главной: после утраты жилья меня обеспечили, конечно, и комнаткой в общежитии, и отпуском, из которого почти сразу же отозвали – некого было бросить на задержание маньяка-педофила, так уж вышло. Ну, скрутили мы с напарником этого сукина сына в его же квартирке... очередную жертву нашли прикованной к батарее отопления. По счастью, живую: не успел он ей устроить «несчастный случай», как остальным. Дальнейшие процедуры тебе известны – а после их завершения и окончательного оформления повел я арестованного вниз. Лифт, естественно, оказался на ремонте, святое дело... И тут на площадке поворачивается этот гад ко мне всем своим рябым мурлом, расплывается в гнилозубой ухмылке и сообщает, словно продолжая давний разговор: «А знаешь, самое сладост-

ное – это когда она ещё дышит, а ты в этот момент...» Тут у меня само собой сработало понятное чувство брезгливости, и я его непроизвольно оттолкнул. Немножко сильно, видать, так как вылетел он наружу вместе с оконным стеклом...

– А ничего, молодец! – одобрительно кивнула Рената. – Я ему сперва ещё и яйца отбила бы!

– «Ничего-то ничего, да этаж девятый!» – как поётся в песне.

На её лице возникла довольная ухмылка, сменившаяся сочувственной гримаской далеко не сразу. Аккуратно загасив окурок в бутылочной крышечке, я продолжил:

– Мне с напарником повезло: он хоть и «летёха», да битый, опытный – ни слова не сказал, сразу со всех ног вниз бросился. Я, само собой, остался стоять на месте происшествия. Тут всё по-новой закрутилось, только уже по другой программе. И деваться некуда – убийство произошло прямо на глазах у одного из понятых. Старичок тоже оказался «правильным» и без запинки подтвердил версию вернувшегося вскоре лейтенанта: дескать, преступник неожиданно набросился на конвоира и схватил за горло. Эксперты, осмотрев труп, подобной возможности отрицать не стали, так как наручники у покойного оказались только на левой руке. Стало быть, правую ухитрился как-то незаметно освободить...

– Значит, замочек «браслетов» при ударе не деформировался? – деловито уточнила Рената. Я покачал головой:

– Ни капельки. В точности по анекдоту про звонаря, упав-

шего по пьянке с колокольни: сам вдребезги, а галоши целы.

Мы немного помолчали, причём всё это время на меня смотрели в упор – одобрительно, прицельно, хищно... Не вызывало сомнения, что мы были уже практически «одной крови».

– Наконец-то, ты на собственной шкурке убедился, что эта страна реально живёт по понятиям, а не по филькиной грамоте с заплесневевшей вывеской «закон», – подвела итог Рената. – В результате отделался лишь потерей работы?

– Да, дело замяли, но признали непригодным для *особо важной* оперативной работы, – я выделил голосом ключевые слова. – В ментовку – это пожалуйста, завербоваться по контракту – сколько угодно, а вот в элитных государственных спецслужбах парни с такой неустойчивой психикой не нужны. Дали месячишко на раздумье, как водится. Ну а ежели ничего не надумаю в указанных выше пределах, то в запас, по собственному желанию...

– Значит, твоё шикарное удостоверение ещё недельки три остаётся в силе? – (драконы на халате быстро и плотноядно пришли в движение). – Это хорошо, это очень даже кстати!

– Уже задумала какую-то комбинацию по делу Нефилова? – осторожно поинтересовался я. – С твоим покорным слугой на переднем фронте?

– Именно! Но сперва послушай краткий вводный курс специфической жизни городка, где ты оказался...

Сначала она коснулась общего положения дел в Автоно-

мии, главный город которой по имени никто почти не называл, предпочитая ласково величать «Стольничком». Стремление подражать главной столице российского государства везде и всюду было так велико, что при этом не обращалось внимания на явные нелепости и несуразности. Например, центральный проспект Стольничка был закован в сталь, бетон и стекло, окутан неоновыми рекламными вывесками и расцвечен ярчайшими огнями – при этом буквально на соседней улице в дождливую погоду невозможно было пройти без резиновых сапог, а фонари на корявых столбах горели и тускло, и через один. Бессменный вот уже много лет автономный президент с трогательной народной фамилией «Батраков», сказочным царским именем «Еремей» и ностальгическим отчеством «Ильич» страшно гордился тем, что привлёк в старинный русский городок заграничные инвестиции и открыл пару филиалов японских автомобильных заводов – в результате узкие улочки стали буквально задыхаться от обилия иномарок, нормально парковать которые было негде. Шикарные магазины скучали без покупателей, но почти каждую неделю открывались новые. Впрочем, ближе к окраинам блестящая капиталистическая обманка ощутимо тускнела, обнажая неистребимые черты скучного предместья советского образца. Товаров поменьше, качество похуже, зато цены выше.

Короче говоря, в маленькой республике повсюду царили захолустная скука и стабильность. Последнюю нужно было записать в заслугу свет Еремею Ильичу, в прошлом райко-

мовскому секретарю, а ныне либеральному демократу, однако по-прежнему уважавшему и большевиков, и коммунистов, и Интернационал. Будучи не обделенный природной мужицкой сметкой, он обзавёлся вполне разумной министерской командой (которая всем и рулила), но свою администрацию и прочую чиновную братию держал в строгой узде, не позволяя им открыто шиковать. Этого вполне хватало если и не для народной любви, то для устойчивой популярности. Москву господин-товарищ-барин Батраков тоже устраивал, ибо исправно обеспечивал и покой во вверенной ему вотчине, и голоса избирателей. Высоких же гостей из Кремля он встречал прямо-таки по-старинному радушно, в любую погоду выходя навстречу без шапки и с полураскрытыми объятиями. Целоваться, как Брежнев, он, разумеется, не лез, ограничиваясь поклонными движениями и горячими рукопожатиями – в остальном же чиновничьей услужливости, столь любезной на Руси, было хоть отбавляй. Действовало безотказно.

– Вот такой у нас фасад, – подытожила Рената. – Ну, а теперь насчет изнанки. Смотрящим по региону поставлен очень авторитетный вор в законе по кличке «Воркута», в миру Виктор Семёнович Варкутин, ударение на предпоследнем слоге...

– Отсюда и погоняло такое, – понимающе кивнул я. – Пахан, действительно, известный и даже знаменитый. Он и другой авторитет Барыга, то есть Боря Брянский, первыми в но-

вой России были осуждены за создание организованных преступных групп в целях убийства. Мочили, правда, своих же за непослушание и брыкливость, но тем не менее!

– Неглупый и осторожный дяденька, поэтому пережил многих своих и врагов, и друзей, – сказала Рената таким тоном, словно завидуя. – В разборки между славянскими и кавказскими ворами принципиально не лезет с весьма красивой легендой: мол, я из патриархов, для которых весь блатной мир един и неделим, меня сам лично Вася Бриллиант короновал... Насчет Василия Алмазного врёт, конечно. Но такая ловкая позиция позволяет ему избегать заведомо опасных противостояний, чреватых большой кровью и внутренними войнами. Мирить или поправлять таких волков, как, скажем, московские Глобус и Петрик, он никогда не будет, а вот поучить уму-разуму молодняк – это всегда-пожалуйста. Обо-жает без предупреждения объявляться в новых «бригадах» и проводить, так сказать, воровской смотр. Встречать себя приучил по-простецки: деревянный поднос, на нем стопка водки, накрытая осьмушкой чёрного хлеба при ломтике сала и колечке малосоляного огурчика – и всё. Нет, за хорошо накрытый стол он тоже с удовольствием сядет, но потом, после инспекции. Наш Овал при первой встрече этой тонкости не знал и последовательность почтительных действий перепутал – о, как же Воркута его перед всеми срамил! И за барский халат с кистями, расшитыми золотом, тоже досталось... Хорошо, что у Игорька хватило ума покорно всё это выслушать,

склонив буйную голову и время от времени печально разводя руками. Пошумев, смотрящий сменил гнев на милость: нарёк хозяина «Игорем Ольговским» и благословил на честную бандитскую деятельность. Правда, все его по-старому Овалом зовут...

– Какая же фамилия должна быть у человека с таким прозвищем? – с интересом спросил я. – Неужели Овалов или Овальничук какой-нибудь? Или Достовалов?

– Нет, его предки скромно именовались Кругловыми! – засмеялась Рена. – Но кликуху «Круг» брать сейчас не принято из-за почтения к трагически погибшему шансонье, так что... Да и физиономия у него порядком вытянутая!

– Значит, первый пацан на деревне здесь он, – сказал я. – Личность или как?

– Личность, но довольно своеобразная, – подумав, ответила Рената. – Высшее педагогическое образование имеет, на рояле хорошо играет! Впрочем, в «очко» и в «буру» тоже не промах. Да, вспомнила: дважды в месяц он исправно посещает «Клуб знатоков спорта» нашего жалобщика Вити Нефилова... Пытается себя утвердить в качестве эдакого «культурного авторитета», что в нашей Раше воспринимается с большим трудом. Хотя центровые у него очень даже крутые и грозные – один Гурон чего стоит! Хороший организатор, умеет ладить с некоторыми лицами из командного милицейского состава. Есть связи в городской управе – ну, это естественно... «Пиковых» не любит, но враждовать с ними

не стремится. Что ещё? Женат, двое детей. Имеет две ходки в «зону» – правда, всего-навсего за хулиганку и мошенничество, но у Зацепы нет и этого...

– Пацан номер два?

– Он самый. Вадим Зацепин, он же Цепь или Цепняк. Типичное физкультурное хамло и без пяти минут беспредельщик. Некогда ходил под Овалом, потом показал зубы и пустился в свободное криминальное плавание. «Не любят они друг друга», – как сказал бы Саид из «Белого солнца пустыни»! Хотя на Чёрного Абдуллу ни тот, ни другой откровенно не тянут, а вот с трусливым Джавдетом сходство есть: оба мастаки ударить в спину. Бывший каратист, бывший десантник и, между прочим, бывший охранник в городской тюрьме! Что напрочь закрывает перед ним дальнейший воровской рост. У Игоря свет Ольговского в этом смысле тоже перспектив маловато – из-за семьи и комсомольского прошлого, главным образом. Что чрезвычайно устраивает нашего смотрящего Воркуту: эти двое его уж точно не подсидят. Он их время от времени слегка стравливает между собой, а потом мирит. Раньше неизменно принимал сторону Овала (всё ж не фрайер, дважды срок мотал – хоть и мелкий, да свой), но вот полгода назад в период очередной свары из-за городского рынка неожиданно поддержал Зацепу. Тот, понятно, сразу же яро взнаглел, разгорячился, взмыл гордым стервятником ввысь... Пришлось его успокаивать, остужать, укорачивать до размеров обычной вороны и осторож-

но сажать в привычное ему гнездо. Впрочем, «ворона» – это больше относится ко мне... Скажу, не хвастаясь, что без моего скромного участия данные оздоровительные процедуры успеха не имели бы!

– Без твоего? – недобро прищурился я и в сердцах негромко ругнулся по-грузински. – Стало быть, опять принялась за старое?

– А откуда, по-твоему, у меня вся эта информация?! – воскликнула Рената и задорно подбоченилась – драконьи пасти с обоих рукавов сердито уставились на меня. – И ты фатально ошибаешься, если вдруг возмечтал, что я сбежала из Таганрога лишь затем, чтобы зажить тихой, семейной жизнью в Ольгове!

– Нет, конечно. Ты просто вспомнила неоднократные приглашения Тимура Магомбетова (он уже генерал, поди?) и решила, что второй блин уж точно комом не выйдет... Я прав – или прав?

– Тимур Устемович по-прежнему майор и в отставке вдобавок. Но проживает в такой усадьбе, что и иной маршал может позавидовать!

– Я как-то не сомневался, что он обитает не в войлочной юрте.

– Разумеется, не в войлочной, а в каменной! Три этажа, кстати, а внешне – типичная юрта! Этот казах свои корни помнит, не то что мы с тобой.

– Спасибо за своевременное напоминание. Как разбога-

тею, так непременно выстрою себе домишко в виде точной копии Метехского замка...

– «Он разбогатеет!» – Рената фыркнула и наступательно топнула ножкой. – Да если бы ты меня на вокзале не встретил, то по миру пошел бы! С гордо протянутой рукой крутого спецназовца не у дел! И в эту руку, в конце концов, вложили бы направление в какую-нибудь горячую точку! Где ты и расстался бы со своей буйной головушкой!

– А не факт. Как ты здесь очутилась, мы выяснили. И наша встреча в «Стольничке», несомненно, была случайной. А вот моё появление там – нет.

– Так-та-ак! Неужто тоже про «маленького майора» вспомнил в трудную минуту? Ты растёшь прямо на моих глазах!

– Мерси за комплимент, но не заслужил. Это он обо мне озаботился. Позвонил сам, с поразительным знанием дела посочувствовал моему горю и проблемам на службе и пригласил попытать счастья в здешней Автономии. Так и сказал – радушно, по-восточному: «Если самому устроиться вдруг не выйдет – всегда помогу, дорогой!» Хороший человек – заранее предчувствовал, что у меня «вдруг не выйдет».

– Но ты, само собой, так ему и не звякнул...

– Просто не успел: неожиданно сзади вдруг свистнула пригожая девушка, привлекла моё внимание, красочно расписала новые перспективы и предложила поработать по другой специальности. Но, как очень скоро выяснилось, от пер-

воначальной судьбы не уйдёшь.

– А если б я не...

– Тогда деваться некуда – позвонил бы Магомбетову. Как в своё время это сделала ты.

Рената мелко-мелко покивала головой, а затем плавным движением вытянула левую руку вперёд. Повернула вверх ладонью и сжала в кулачок. Положила кисть правой руки на бицепс левой – и резко согнула её в локте...

– Между прочим, в Японии сей жест означает уверенность в своих силах! – проникновенным голосом сообщил я. – В чём-чём, а в этом у тебя я никогда не сомневался, о Це-сан!

– Никак нет! Продемонстрирована исключительно русская трактовка! – «Це-сан» мило улыбнулась мне своими остренькими зубками. – То есть, неприличная! Означающая в данном контексте: «А вот и хрен ты угадал!»

– Да неужели заурядная фирмочка «Посредник» очаровала тогда тебя настолько, что ты немедленно переквалифицировалась в офисную работницу?

Рената снова заулыбалась – на этот раз предельно открыто. Затем звучно пропела:

– Если желаешь, я могу показать эту самую неприличность ещё разок!

Я долго и внимательно смотрел на неё – ни тени смущения. Потом попросил:

– Тогда объясни.

Вот тут она замялась, словно язычок враз прикусила. Так прошло минут пять. Ещё через три я сжалился:

– Могу задать наводящий вопрос. Например, такой: наш несостоявшийся благодетель – действительно скрытый преступник? В нынешние бизнесменские времена трёхэтажную юрту можно возвести и на законные доходы.

– Размечтался! Магомбетов ещё в советскую эпоху крышевал «цеховиков», а кроме того... – Рената медленно прошлась по комнате, поколебалась чуток, а затем исчезла в коридоре, стены и потолок которого вновь запели-засияли на все лады. Я предположил, что она отправилась на кухню, и не ошибся, ибо её возвращение состоялось с красивым лакированным подносом в руках. Оливки в вазочке, маленькие бутерброды со шпротами, остро пахнущий нарезанный «Пармезан» на тарелке – что ж, значит настал момент ещё разок согреться и расслабиться...

Я не ошибся и во второй раз, поскольку из одного кармана халата была извлечена пара рюмок, а из другого – золотистая бутылка породистой «Метаксы». Тоже похожая на изящный снаряд, но более крупного калибра.

– Очень даже неплохой бренди, – отметил я, отведав глоток и выждав с полминутки. – Как ни странно, но до сих пор пить не доводилось.

– Угу... очень люблю культурные ценности Эллады, – сообщили мне из кресла напротив. – Да не хватай ты рыбину за хвост... погоди! Сперва кусочек сыру под язык помести

и прижми языком. Вот так, верно. Самый кайф после глотка «Метаксы» именно в этом! Сыр нейтрализует приторность розовых лепестков. Заценил?

– Да мне и так было хорошо...

– Для первого раза изволь соблюсти все формальности – вторую, третью и так далее можешь хоть рукавом занюхать!

Я деликатно промолчал.

Повторили мы почти сразу же, причем девушка Це, как и подобает латентной гречанке, вновь ограничилась крошкой «Пармезана». Натуральному и безнадёжному грузину закусить по всему небольшому ассортименту не запретили, но глянули неодобрительно.

Разговор Рената продолжила в своей излюбленной в прошлом манере: то и дело пропуская начала смысловых периодов. Я не сразу, но привык, а вот остальных-прочих это сбивало с толку.

– Мне тут сразу понравилось, и я поняла, что больше никуда не хочу, – задумчиво молвила она. – Да и малость приотмилась от вынужденных странствий по Руси-мачехе: держава огромная, конечно, но поразительно однообразная. Ну и чтобы отрезать себе все пути к отступлению, купила вот это жильё, благо подвернулся недорогой вариант. Однако больше половины из нажитого непосильным трудом как ни бывало!

«Посредник» вообще оказался идеальным местом, чтобы

отсидеться, осмотреться и начать плести новые охотничьи сети. Много шло самых разносторонних материалов – ты же знаешь, как я помешана на информативности! Постепенно вышла на местную ментовку, завела там полезных друзей в ключевых структурах: кадры, оперативная часть, спецлаборатория... Я ведь считалась почти своей: в отставке и малость проштрафившейся – на периферии в этом вопросе наблюдается полнейшее понимание. У всех мордочки в пушку, незамаренных не бывает. А кое-какими полезнейшими сведениями запросто торговали! За разумные деньжата. Криминалу вот никак нельзя, а честным фирмачам да по дружбе почему бы и не продать?

«Мамай» на меня вышел сам и предложил встретиться. Я, в принципе, была к этому готова и просить собиралась по-крупному. Долгожданное свидание произошло на одной из аллей городского парка. Тимур внешне совсем не изменился: такой же маленький, кругленький, улыбчивый, чисто выбритый... И почти без седины.

Началось, естественно, с воспоминаний общего характера, которые очень быстро перешли в конкретные. Я послушно удовлетворяла его неуёмное любопытство минут сорок, не меньше, а потом он вдруг оборвал сам себя на середине предложения и прощения у меня начал просить. Проникновенно так. Мол, заболтался, как мальчишка, всё о своём да о своём, а у красивой девушки, наверное, и времени свободного мало, а житейских проблем много...

Ну, я ломаться не стала и кратко изложила ему своё заветное желание. Сразу выяснилось: подобной просьбы он не ожидал. Не стал даже играть в восточную невозмутимость – откровенно показал всем своим видом, что прилично озадачен. Долго смотрел по сторонам, мурлыча себе под нос что-то весьма заунывное. Потом очнулся, вздохнул и признался, что столь необычная услуга почти за пределами его скромных возможностей. И одной старой дружбой, к сожалению, тут не обойдёшься: придётся платить. В последнем я нисколько не сомневалась, поэтому тотчас встала прямо перед ним, сложила перед грудью руки в ладонях, поклонилась в пояс и негромко молвила: «Приказывайте...»

– Неужели такой стреляный волк на это купился? – (не стоило её перебивать, но я не удержался). Рената довольно усмехнулась:

– Еще как! Ты не забывай: Средняя Азия – это тебе не Северный Кавказ: у нас не гордость, а покорность в цене. И особенно та, что не по обязательной службе и чинам, а как бы сама по себе. По уважению. Поэтому не сомневайся: Тимур Устемович засиял, аки колобок в сливочном масле! Правда, на несколько секундочек всего, но очень даже заметно.

Обнял он меня отечески (за плечи, не ниже!), подбородочек мне приподнял, по щёчке погладил... И ласково успокоил: ладно уж, свои люди, как-нибудь сочтёмся. Ему ведь тоже помощь может однажды потребоваться, кто знает...

– Но ведь это же самый настоящий ответно заброшен-

ный крючок, на который ты и клюнула! – поразился я. – Как можно быть должницей такого человека? На неопределённый срок и перспективу?

Рената довольно осклабилась с выражением на смуглом лице полного житейского превосходства. Безмятежно заметила:

– Не нужно просчитывать мужской логикой женскую, генцавале! В твоём понимании я попала на свою же собственную наживку, а в моём – получила нужную услугу вообще задаром. Вспомни лучше одну из притч Ходжи Насредина: со временем вполне может кто-нибудь сдохнуть – или осёл, или Тимурленг!

– Авантюризмом от осла пахнет вовсю... Ну и за какую-то услугу ты согласилась сыграть в будущем роль Золотой Рыбки?

Рената сделала почти неуловимое движение рукой, словно мимолётно поправила бельё на плече под халатиком, и в её пальцах вдруг возникло небольшое удостоверение. Его она красиво перебросила мне на колени. Так, незнакомое сочетание букв... ну, этим не удивишь, спецслужб нынче развелось, аки блох на уличном кошке. А что внутри... о-о-о, какая эффектная офицерская форма на моей подруге! И пилотка с государственной кокардой! И выписано на отцовскую фамилию...

– Моё почтение, герр гауптман Цейс! – я резким кивком на секунду склонил голову. – Готов перейти в ваше подчи-

нение!

– Иронизируй сколько хочешь, но это подлинник, – хладнокровно сообщили мне. – На капитанский мундир особого внимания не обращай, это чисто для солидности. Чтобы все уважением прониклись, кому ни предъяви. Цветные символы тоже для посвящённых. Две оранжевые полосы – «внештатный сотрудник». Зелёный кружок – «имеет свободный доступ в любые госучреждения». Ну и кое-что ещё по мелочи.

– Значит, ты всё-таки решила подстраховаться?

– А как же иначе? Я без «корочек» уже не могу! Контора серьёзная и закрытая, берёт в сотрудники только людей со специфическим опытом. «Мамай» сразу предупредил, что и сведёт, и словечко замолвит, но ничего не гарантирует: как сама понравлюсь... Понравилась, как видишь.

– И какие у тебя обязанности?

Рена улыбнулась – так нежно и ласково, что извиняться впору. Потом всё же сказала:

– Вызывают по особому коду несколько раз в год. В отдельную раздевалкуходишь в своей одежде – выходишь в полном камуфляже. В таком же виде трое-четверо личностей уже сидят в приёмной. Слушаем инструктаж, грузимся в машины или в вертолёты, мчим на место. Работаем. Потом возвращаемся тем же путём. Деньги перечисляют на обычную карточку «Visa». Всё.

Я понимал, что это далеко не «всё», но и сказанного было

вполне достаточно. Вот только нужно уточнить...

– Наша фирмочка у них «под колпаком», нет?

– Ни в коей мере: мы исполнители, а не шпионы, – Рената грациозно изогнулась и забрала у меня свой документ. Потянулась сыто и зевнула. – Пойдём спать, устала я сегодня что-то. Или перебрала...

Встали с кресел мы одновременно, чуть было не столкнувшись при этом. Взяв девушку за руку, я тихо спросил:

– У тебя есть сейчас кто-нибудь?

Рената передёрнула плечами, как от холода, и неторопливо высвободилась. Поправила мне воротник халата и сказала:

– Твоя комнатка прямо по коридору и налево. Вещи тоже там. Кроме «стволов», конечно.

5. Психическая атака

– Ну что, птенцы гнезда Елисаветинового? – пошутил Канер, когда мы собрались на очередное совещание. – Две недельки откинулись, оговоренное время на исходе, и нам нужно что-то предпринимать!

– Ты это говоришь таким тоном, Миша, как будто мы напропалую бездельничали, – с укоризной заметила Лозанникова. – А ведь на самом деле у нас и свободной минутки не было!

Здесь она погрешила против истины, но совсем немного. Законный обеденный перерыв мы получали регулярно – правда, порой не на рабочем месте, а где полдень застанет – но в остальном исправно трудились от звоночка до звонка. И за неполные четырнадцать дней успели сделать очень много. Самое главное, что фирма уже принадлежала нам. Правда, называлась она теперь гораздо необычной и интригующе: «Ли Ле Ло» – крупными готическими буквами на вывеске. Чуть ниже и гораздо мельче перечислялись оказываемые услуги (посредничество, маркетинг и так далее). Три первых загадочных слога не расшифровывались, и только сами скромные служащие знали, что они означают начало имени, отчества и фамилии их важной руководительницы: **Ли**завета **Ле**онидовна **Ло**занникова. Данное название в коллективе не обсуждалось и критике, естественно, не подлежало.

И вообще все мы были поставлены перед фактом: явились однажды рано утречком – и увидели на фасаде сей лингвистический сюрприз. И саму выдумщицу под ним. Сияющую, как начищенная сковородка.

Справедливости ради стоит заметить, что именно она выдержала на своих плечах всю тяжесть сражения за нашу свободу. Как и предполагалось, господин Грубиянов был не против по-тихому избавиться от прогоревшей компании, но вот долг отдавать категорически не желал. Через сутки непрерывного прессинга, которому его подвергла не менее упрямая бывшая заместительница, он нехотя заменил категоричность на относительную покладистость, а ещё через день согласился вернуть половину. «Я бы и совсем его дожала, – хвастались нам, – но решила, на всякий случай, не обострять предельно отношения. Кто знает – вдруг потом понадобится? Да и переоформление он обещал нам ускорить, у него связи...»

Оказавшись у руля, наша прекрасная маркиза для начала легонько расширила штат, взяв на полставки курьера. Им оказался мальчишка-восьмиклассник, первым откликнувшийся на объявление. Звался он Димой и представлял из себя нескладное белобрысое подростковое существо с конопатым лицом, круглыми очками, брелоком Бэтмена на брючном ремне и неизменной деревянной зубочисткой «метёлочкой» в уголке рта – явное подражание еще какому-то киношному герою. Всё бы ничего, но время от времени Димочка

эту зубочистку ронял на пол и вместо того, чтобы достать другую, поднимал упавшую, вытирал о штаны и снова пихал в рот. Нечего и говорить, что точно так же поступал он и с куском упавшей во время еды булки. Меня это немножко коробило.

Приходил он к нам каждый день сразу после школы и отправлялся разносить по разным адресам какие-то письма, флаеры, листовки, плакатики и рекламные буклеты, которые готовил для него Нечитайло. Отраднo было видеть, как наша фирмочка, получив новое название, не забывала о старых договорах, что оставляло надежду по завершении авантюры с долгом Нефилова вернуться к мирной деятельности. Впрочем, авантюра – это ещё было очень мягко сказано...

– У амазонки Це есть план, – сообщил я. – На днях она мне его поведала в общих чертах и удивилась, отчего это я оказался близок к полуобморочному состоянию. Надеюсь, что у вас нервные системы крепче.

Мои надежды подтвердились с лихвой, так как разумное отношение к сообщению «амазонки» проявил лишь наш осторожный казак Тарас – правда, он так и не донёс до головы указательный палец, которым собирался выразительно повертеть у своего виска. Госпожа Лизавета очень даже заинтересовалась и плотоядно потёрла ручки, а Канер вообще заявил, что техническую сторону дела он запросто обеспечит. «К сожалению, слушать разговоры клиента с семьёй придётся на небольшом расстоянии – скажем, из машины.

У Тараса „волжанка“ имеется, у меня „жигулёнок“, так что справимся».

– Подслушивание через «клопа» – это лишь третья стадия всей затеи, а то и четвёртая! А на второй: «Хто же мне будет с кичи вынимать?» – очень натурально пропел я голосом Александра Розенбаума. – Ибо после первого этапа ваш покорный слуга прямиком отправится «на нары, брат, на нары, брат, на нары!» Кто сию песенку пел, я не знаю, поэтому адекватно повторить не могу.

– Это нежелательное событие как раз и должна предотвратить твоя майорская ксива! – отпарировала Рената. – Необходимо, чтобы тебя не сцапали грубо, а вежливо отвезли на собеседование...

– ...которое вполне может закончиться отправкой опять же в арестантскую, – очень недовольно буркнул Тарас Давыдович. – Риску дюже много, а вот выгоды не бачу!

– Так немедленной выгоды мы сразу по-любому не получим, – заметила Лозанникова. – Но сама идея интересная, братцы! Значит, её суть, как я понимаю, лишить гражданина Пачулина его «крыши»?

– Хотелось бы, но с налёту, боюсь, не получится, – согласилась Рената. – Даже со всеми данными, которые мне удалось накопать. Но, во-первых, «чердаку» придётся крепко призадуматься – а он очень даже не дурак, «чердак» -то! – а, во-вторых, наша психическая атака, я думаю, хорошенько накалит атмосферу в семействе самого клиента. Как я узна-

ла, Евгений Иванович – человек нервный, а уж его супружница в этом смысле вообще не подарок! Однако они наглёцы по отношению к другим, а вот испытать прямой наглёж на собственных шкурах...

Тут внимание к себе привлек Канер: любимым своим профессорским жестом сдвинув очки на середину носа и негромко постучав по столу маркером, он важно сказал:

– В сатирическом репертуаре у выдающегося сына нашего еврейского народа артиста Аркадия Райкина была одна сценка, где его герой успешно борется с хамством ещё более хамскими методами. Не оттуда ли ножки растут у твоей авантюрки?

– Не видела и не слышала, – покачала головой Рената. – Интересно! Расскажешь поподробнее?

– Даже покажу – у меня видеозапись оцифрованная имеется. Но это я к тому, что приятных, особо приятных и приятных во всех отношениях методов воздействия на злостного должника Пачулина у нас нет! Силовым напором у Нефилова не вышло, через закон тоже. А деловой разговор по душам с подполковником Григорием Трофимовичем Григуленко, его защитничком, может вообще сыграть против нас: он потянет время, наведёт о «Ли Ле Ло» справки и всё поймет. Да и говорильни с намёками сейчас особо и не боятся! А вот резкого поступка...

– Итак, план нашей сотрудницы Це я утверждаю! – с подъёмом выдала Елизавета Леонидовна, ужасно польщённая

упоминанием нового названия фирмы в ответственном производственном совещании. – Если, конечно, уважаемый Дато Вахтангович не будет...

Тут ей пришлось прерваться – в деловую залу ввалился новоиспеченный курьер Дима, причём без стука (вторая противная его привычка). Он уже знал, кто именно курирует его разносительскую работёнку, и сразу же обратился к Нечитайло запросто, по-молодёжному: «Для меня чего-нить есть?»

«Чего-нибудь» для него было, и пришлось терпеть его присутствие еще минут десять. Наконец, дверь за ним с треском захлопнулась (третья привычка!), и по лестнице загремели гулкие шаги (четвертая!!) Я достал сигарету, помял её и сунул обратно в пачку.

– Я вижу, что наш Димочка вас раздражает, – ласково пропела Лозанникова, – но без мальчика на посылках в нашем деле никак! Я имею ввиду традиционную деятельность. Конечно, это не Сонечка, но...

– До Софьи Яковлевны этому пацану как до Киева пешком, – несколько невпопад сказал Нечитайло и тяжело вздохнул. – От то была дивчина!

– О ком речь? – спросил я, поочерёдно обводя всех взглядом. – О каком-нибудь старом работнике?

– Очень молодом даже, – негромко ответил Канер. Подойдя к портрету Отца Нации, он привстал на цыпочки и перевернул его тыльной стороной.

Я увидел цветное фото молодой девушки – точнее, девочки-старшеклассницы – тонкой, угловатой, рыжеволосой, смеющейся. Она казалась настоящим воплощением внезапно нахлынувшей радости, если бы не вековая печаль, прятая в самых уголках её больших карих глаз.

– Это Софья Луцкая, которая работала здесь курьером лет пять назад, – пояснила Лозанникова. – Мишина протезе. Когда она появлялась, то словно бы с ней вместе входило и маленькое солнышко. Всегда. В любое время, в любую погоду...

– Но как-то раз наш отставной верблюд Матвей Грубиянов весьма прозрачно намекнул, что негоже превращать его пристойную российскую фирму в некий филиал сионистского «Бейтара», – желчно бросил Канер. – Надо же, какое слово знал... Для Сони этого оказалось достаточно.

– Быть того не может... – растерянно сказал я. – За такое легко и на нешуточный скандал налететь!

– Было, было, – резко подтвердила Рената и подошла к Мишиному столу. – А скандал в данном случае ему не грозил: дело в том, что Матвей Тихонович и сам, как это говорится, «немножко не блондин»...

Я в изумлении посмотрел на Канера – Михаил как-то беспомощно улыбнулся и сказал, разведя руками:

– Мы очень-очень разные бываем, Дато. К сожалению.

Неловкое молчание грозило затянуться надолго, но тут Лозанникова весьма кстати брякнула:

– Признаюсь, меня всегда удивляло, что умная девочка из типичной... э-э... хорошей семьи – и вдруг простым курьером!

– Ах, в самом деле?! – Канер чуть было не взвился под потолок. – Значит, вы полагаете, что к каждому еврейскому ребёнку, едва он проснётся, бегут няньки-мамушки с гоголь-моголем в хрустальном графине и чёрной икрой на севрском блюде? А после обильного завтрака ему тут же в одну руку суют скрипку, а в другую кларнет? А в прихожей уже толпятся репетиторы по иностранным языкам и шахматные тренеры? Так-таки и нет! Гораздо чаще его будит невыспавшаяся, взлохмаченная мамаша, с шумом раздёргивая на окнах занавески и раздражённо интересуясь, сколько можно вот так цинично вылёживаться, когда вся семья уже давно ударилась в трудовую деятельность? Смейтесь-смейтесь, знаменитые одесские анекдоты не на пустом месте родились!

– У неё сейчас всё в порядке? – спросил я – и не из вежливости, а в самом деле интересуясь. Михаил кивнул:

– В полнейшем. Сейчас покажу... ага, Рена уже нашла, вижу. Дай полное увеличение – разрешение у картинки очень хорошее.

На экране его монитора возникла еще одна цветная фотография – только теперь с неё улыбалась уже вполне взрослая знакомая девушка с тяжёлыми медными косами. На фоне пустыни, в классической гимнастёрке цвета хаки и таких же

брюках, перетянутых широким солдатским ремнем. Всё было понятно.

– ЦАХАЛ, кажется? – уточнил я, вспоминая некогда прослушанный спецкурс по вооружённым формированиям стран Ближнего Востока. Канер гордо вскинул голову:

– Она самая! Армия обороны Израиля. Истинно народная, заметь!

Увы, аналогичными грузинскими военными частями я похвастаться не мог. Как и знанием того, что вообще сейчас творится в стране, которую наш национальный герой Георгий Саакадзе мечтал видеть «от Никопсы и до Дербента». Боюсь, как бы она вскоре не ужалась от Цхинвали и до Зугдиди...

...Весь остаток дня мы провели в подготовке к завтрашней операции. О моём согласии сыграть в ней главную роль так и не спросили, а я как воспитанный человек счёл неудобным напоминать.

На следующее утро ровно в десять тридцать я стоял на лестничной площадке четвёртого этажа стандартного высотного дома прямо перед квартирой гражданина Пачулина. Сам Евгений Иванович к этому времени должен был как раз добраться до своего павильона «Ковры», что на рынке. Судя по отсутствию сообщения об обратном, так оно и было. Ну что ж, пора приступать – помогай мне святой Георгий!

Мимо неслышно прошествовала Рената и стала подни-

маться на пятый этаж. Она была одета в самый обычный рабочий китайский костюм из тонкой плащевой ткани, на голове каскетка с надписью «Горэлектросеть». Почти точно так же был экипирован и я.

Энергопитание квартир (их было на площадке всего две – стало быть, четырёхкомнатные) пряталось в настенной нише с таким хлипким замочком, который, казалось, способен сам раскрыться от одного сурового взгляда. Предположение вышло несколько оптимистичным – мне пришлось всё-таки взять и подёргать его книзу. После чего я поднял крышку и решительно перевел четыре верхних тумблера в крайне правое положение «выкл».

Взаимодействие заряженных частиц в проводах пачулинской квартиры прекратилось. По нашим расчётам это не только не должно было остаться незамеченным, но и вызвать немедленную хозяйскую реакцию. Поскольку Василиса Дормидонтовна обожала смотреть американский сериал «Даллас», утренний показ которого начинался аккурат в 10—45.

Действительно, мой чуткий слух очень скоро уловил некое раздражённое оживление за толстой железной дверью. Я поспешил присесть на корточки и закурить – теперь в «глазок» снаружи был виден немолодой усатый ремонтник с кольцом разноцветных проводов через плечо и при раскрытом на полу чемоданчике с ремонтницкими же инструментами. Напоказ и откровенно бездельничающий.

Заскрежетали ключи, защёлкали запоры... Дверь распахнулась чуть ли не настежь – и на пороге возникла дородная молодящаяся бабёнка типично советско-мещанского облика: длинный шёлковый халат, горделивый четвёртый размер на вынос и пергидрольные кудряшки. Я равнодушно глянул в её сторону, сильно затянулся и выпустил обильную струю дыма в направлении потолка.

– Интересно, и долго вы намерены так прохлаждаться?! – (сразу стало ясно, что супруга у Пачулина предельно агрессивная и склочная). – Немедленно включите мне свет!!

Даже не поинтересовалась причиной поломки, а сразу в атаку... Очень кстати.

– Одна из линий, образующих многофазную систему переменного тока в подъезде, вышла из строя, – скучным голосом пробубнил я и с кряхтением выпрямился. – Фаза у вас в квартире пропала, понятно? И у соседей ваших тоже. Дома, конечно, никого нет, хоть час стучи – не достучишься...

– Я, как видите, на месте! Идите и чините! Да шевелитесь же, работничек! И сигарку загасите – у нас не курят!

Так, пока всё идёт просто идеально. Авантюру мы задумали или нет, но первейшее условие было таковым: впустить внутрь меня должны по доброй воле. В этой части нарушать Уголовный кодекс ни в коем случае не следовало.

Прихожая оказалось достаточной тесной: обычное трапезовидное помещенье с кухней по правую руку от входа и совмещенным санузлом по левую. Так, трюмо, конеч-

но... люстра с многочисленными хрустальными висюлька-ми... А вот комнатных дверей оказалось три, что намекало на самостоятельную перепланировку.

– Ну и чего вы ждёте, хотелось бы знать?!

Опять на предельно повышенном тоне. Пора и укоротить! Я повернулся к хозяйке анфас и плотоядно улыбнулся:

– Знаете, моя драгоценная, есть такая детская шуточная песенка:

*Я спросил рабочего Петрова,
Для чего ему на шее провод?
Ничего рабочий не ответил,
Тихо труп качал холодный ветер...*

Кажется, до Василисы Дормидонтовны начало-таки доходить, что события развиваются несколько странновато – её глаза прилично округлились, а накрашенный рот сам собой открылся.

– Что это значит? – нетвёрдо произнесла она и попятилась. Я осклабился ещё вкуснее:

– Это значит, что вы трагически ошиблись: к системе ЖКХ я не имею ни малейшего отношения! Должок вот требовать с вас пришёл – пора уже, все сроки вышли...

Наступила критическая ситуация номер два: сказать ей правду было необходимо, но не слишком пугая. Визг, истерика и падение в обморок нашему плану несколько не способствовали – поэтому я остался на месте и принялся

неспешно освобождаться от мотка оплетённой проволоки, стеснявшего движения. Таким образом, я давал время неосторожной любительнице сериалов малость прийти в себя.

Она с этим справилась значительно скорей, чем я полагал. Включив стремительный задний ход, пергидрольная мадама мигом скрылась за одной из дверей, которую защёлкнула на зауряднейший шпингалет.

И смех, и грех! Одно движение плечом...

Дверная сердцевина была выполнена из мутного стекла, что позволяло мне в общем смысле следить за происходящим в комнате. Первым делом расплывчатый женский контур сноровисто выстроил у себя перед входом баррикаду из нескольких стульев, а затем плюхнулся на диван и зашевелил отростками рук. Всё согласно новейшим достижениям эпохи: раньше при опасности открывали окно и голосили на всю ивановскую, а нынче хватаются за сотовик...

– Жека? Женька, блин, это ты? – донеслось до меня. – Немедленно возвращайся домой: на нас бандиты наехали! Пока один, но страшный до жути! Ага, чуркестанец! Долг требует! Да почём я знаю, какой – мало ли их у нас?! А страшает, страшает-то как! «Трупом холодным, – грозитя, – ты у меня щас висеть будешь!» И Гришке, куму своему звони, пушай ментов высылает! Я тут заперлась, но долго, боюсь, не продержусь...

Просто замечательно! Именно этого я и добивался. И ка-

кая славная подробность: ведь не удивилась хозяйюшка наезду! Стало быть, чует кошка раскалённую метлу...

Быстро вернувшись ко входу, я выставил наружу свой «дипломат»: условный знак для Ренаты снова включить в квартире электричество... ну и ещё кое-что сделать. После чего решительно вошел в центральную комнату.

Она не обманула мои ожидания: было совершенно ясно, что основную часть свободного времени семейство Пачулиных проводит именно здесь. Большая (метров тридцать) и до пределов забитая тяжёлой, вычурной мебелью – просто какой-то апофеоз мещанства. На стенах ковры такого качества, место которым только на полу, но торговец Евгений Иванович наверняка продаёт их под видом ручной работы...

А оружия-то сколько повсюду развешено! Секиры, алебарды, бердыши, сабли, ятаганы, мечи... И современного изготовления: арбалеты, луки, пневматические и газовые пистолеты. И пара тульских дробовиков с вызывающе переломленными стволами – вопиющее нарушение правил хранения. И куда только участковый смотрит?

Однако подростковые комплексы у Пачулина налицо. На коллекцию эта оружейная солянка и близко не тянет.

Теперь главное, пожалуй: установка здесь подслушивающего «клопа». В прихожей и на кухне это сделает Рената.

Управившись, я достал из кармана «Моторолу» и набрал номер. Канер отозвался почти сразу же.

– Всё в порядке, сигнал есть, – сказал он. – Начинаю ра-

ботать. Удачи тебе.

– Взаимно.

Отключившись, я снова вернулся в оружейный пачулинский мирок и проверил на всякий случай отсутствие в стволах «тулок» патронов. Затем перевёл взгляд на резной стенд с метательными ножами-«рыбками» – настоящими, не камуфляжем. Семь острейших стилетов, размещённых веером: лёгкие рукояти и тяжёлые лезвия в форме продолговатых рыб с заточенными плавниками (такой из раны без хирургического вмешательства не вытащить). И с разноцветными бусинками на хвосте. Это для красоты, как и положено итальянской работе. У нас подобных излишеств не бывает да и удобств тоже. До сих пор о «макаровские» обоймы ногти срываем...

– Ой, а у нас гость мужеского пола, оказывается! А я-то думаю, чего это мамаша климаксически голосит?

Вздвогнув от неожиданности, я обернулся. У распахнутой двери стояло довольно-таки миловидное подростковое существо в летнем мини-платьице – немножко заспанное, но уже с пытливым, внимательным взглядом. Слегка взлохмаченные, короткие тёмные волосы, узкое личико с аккуратным носиком, прозрачные морские глаза. Почти хорошенькая, если бы не острый выступ подбородка.

Судя по предварительной информации, передо мной красовалась единственная дочь Пачулиных – Людмила. Хотя тринадцатилетней ученице седьмого класса в обычный сен-

тябрьский день положено было находиться в школе.

Неприятный сюрприз.

– Цинично и нагло прогуливаем уроки? – весело осведомился я (а что оставалось делать?). – И вдобавок спим аж до полудня?

– Ого! Личность зловещей кавказской наружности изъясняется по-русски не хуже меня самой, без пяти минут отличницы! – (за словом эта школьница явно в кармашек не лезла). – Всё законно: у меня легкий простудифилис. А может, и гриппер. Короче, температурка и сопли.

Я на секундочку растерялся с непривычки, ибо общаться с нынешней молодежью доводилось не часто. И подобная эпатажная манера разговора была не то, чтобы в диковинку, но...

– Поздравляю: мою мамахен ты напугал классно! – сообщили мне, сделав несколько лёгких шагов навстречу. – Так ей и надо! Но, судя по её телефонным завываниям, сейчас сюда примчится сам папахен, и у тебя будут проблемы.

– Послушайте, мадемуазель, но среди родственников встречается ещё и бабушка! – в противовес её развязности я решил держаться с нарочитой галантной ироничностью. – Та самая, которая надвое сказала! Это я к тому, что проблемы могу и сам обеспечить кому угодно!

– Во-первых, дядя Жека потяжелее тебя будет, как мне кажется. А, во-вторых, у него очень резкий и сильный удар правой, сама видела. Ты это учти.

– Мерси за предупреждение, – пробормотал я. – Однако с кем имею честь беседовать? Я полагал, что с дочерью Евгения Ивановича, а он, оказывается, дядей вам приходится...

– Гораздо хуже: отчимом! – презрительно ответили мне. – Некрасивым, вонючим и с педофильскими наклонностями. Я уже не раз жаловалась на его рукораспускания мамочке, но без толку. Впрочем, я и сама могу за себя постоять!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – вполне искренне сказал я. – Но сегодня его попытается наказать ваш покорный слуга! Кстати, позвольте представиться: Дато Вахтангович. Можно и просто по имени...

– Люся, – (она небрежно ткнула пальчиком в свою румяную щёчку). – В будущей взрослой жизни – Людмила Александровна, фу-уу... Слушай, а тебе, случайно, не нужно алиби? А то вломился в квартиру, мамку довел до экстаза... Я могу присягнуть на Библии, что ты мой репетитор по грузинскому языку! Или, может, по армянскому?

– В Армении таких имен-отчеств не бывает, – заметил я. – Итак, из всего сказанного вами, принцесса, можно сделать вывод, что здешние семейные отношения дали хорошую трещину...

– Пропать! Самую натуральную. Как раз с того дня, когда мой настоящий отец не выдержал тупого мамкиного быдлоганства и подал на развод. В результате стоящая перед тобой бедная девочка враз лишилась единственной понимающей её души. Зато через пару месячишек в семействе объявилось

второе быдло противоположного пола – и началась борьба за выживание...

– С обеих сторон, надо понимать?

– А то! – Люся кокетливо заиграла глазками. – Захотели оставить ребёнка у себя – извольте с ним ладить! Иначе он может и остренькие зубки показать!

Она воображала всюю, явно получая от этого процесса огромное удовольствие. Все девицы в таком возрасте обожают покрасоваться перед посторонним человеком, но у этой особы коммуникабельность просто-таки была через край. Что меня немножко озадачивало. А кроме того...

Додумать тревожную мысль мне не довелось, потому что на пороге комнаты неожиданно объявилась Василиса Дормидонтовна собственной взволнованной персоной. С перцовыми баллончиками в обеих руках и с выпученными зверскими гляделками. При виде своей единственной дочери, задушевно беседующей с коварным и зловещим бандитом, у неё немедленно разыгрались материнские инстинкты, помноженные на пресловутый «женский патриотизм».

– Люська!! – завопила она. – С ума сошла, дрянная, испорченная девчонка?! Это же чёрный! Дикарь с гор! Он тебя запросто при всех изнасиловать может!!

– Не фигу свои развратные сексуальные мечтания проецировать на невинное чадо! – хладнокровно отпарировала Люська. – И не фигу оскорблять благородного разбойника из Шервудского леса Закавказского хребта! Кстати, госпо-

дин разбойник, я забыла спросить: вы нас примитивно грабить собираетесь?

– Да разве может горец из княжеского рода пойти на подобную низость? – возмутился я. – Ни за что на свете! Всё гораздо интереснее: я у вас поселиться намерен.

После этого неожиданного заявления физиономии и у мамы, и у дочки заметно вытянулись: удивление обеих было неподдельным. Следовало прояснить ситуацию хотя бы в общих чертах, что я и сделал:

– Ваш супруг-папаша-отчим задолжал моей фирме круглую сумму в иностранной валюте, а отдавать не спешит. Точнее, взял денежки сразу и кучкой, а вертать намерен долго и небольшими порциями. Что ни меня, ни моих боссов никоим образом не устраивает. А поскольку упомянутый долг приблизительно равен стоимости комнаты в хорошей квартире, то одну из них у вас я и намерен занять!

Обескураженная дочь не известного мне Дормидонта с осмыслением предоставленной ей информации, как я заметил, явно не справлялась. Зато Люся ухватила за рога главную суть сразу.

– Свою обуютенную комнатку не отдам! – заявила она, гневно раздувая ноздри. – И только попробуйте на неё покуститься! Сами мигом станете покусанными – это как минимум!

– Какой же классический Робин Гуд обижает детей? – искренне огорчился я. – Так и весь наработанный имидж за-

просто потерять можно! В данном случае меня вполне устроит помещение, в котором мы сейчас находимся.

Обдумать предложенную шокирующую альтернативку господам Пачулиным помешал истошный визг тормозов под раскрытым по случаю теплой погоды окном. К нему Люся тотчас прилипла.

– Жека с двумя мусорами, – как ни в чём не бывало объявила она. – Ну, сейчас начнется, ух ты...

Василиса Дормидонтовна с радостным матерным восклицанием ринулась встречать долгожданных спасителей, а я обратился к раздурявшейся от предвкушения зрелища барышне:

– Настоятельно прошу вас покинуть эту комнату. Во-первых, на всякий пожарный: дабы меня не вздумали обвинить в захвате заложницы. А во-вторых, возможен так называемый «боевой физический контакт», что для посторонних тоже чревато.

– Последнее слово без дополнения обычно не употребляется, – поучительно сказала Люська. – Хорошо-хорошо, упархиваю... Но подглядывать-то можно?

– Сколько угодно, но на собственный страх и риск.

– Кто не рискует, тот «Вдову Клико» не целует! Кстати, весьма кисленько, хотя и без ночной изжоги... Ладно, к делу: не забывай, что я могу тебе пригодиться в качестве положительной свидетельницы!

– Очень тронут. Честное слово.

Любительница крутых мужских столкновений скрылась в прихожей, чем я и воспользовался, чтобы сбросить и спрятать фирменные брюки и куртку. Впрочем, под ними на мне было отнюдь не бельё.

Итак, на подходе критическая ситуация номер три. Самая опасная.

6. Дипломатия силовая и логическая

Из всех возможных вариантов наиболее неприятным было бы появление оперативников со стволами наперевес и с воплями: «На пол, быстро! Лицом вниз!! Руки за голову!!!» Подчиниться – значило проиграть сразу и по всем статьям; неподчинение грозило этой самой зловещей чреватостью, ибо рядовая российская милицейская дурь воистину безгранична. Поэтому я искренне надеялся, что здоровый, румяный и радостный вид ученицы Людмилы Пачулиной несколько охладит боевой пыл атакующей стороны.

Моя неожиданная союзница не подвела. Очевидно, ей страшно хотелось оттянуться на всю катушку, что она и озвучила звонко сделанным заявлением: «Уважаемые доблестные стражи капиталистического порядка! Я требую немедленно задержать и привлечь к уголовной ответственности моего гнусного отчима Пачулина Евгения Ивановича за неоднократное физическое насилие, совершённое им по отношению к моей матери Цапниковой Василисе Дормидонтовне!» После чего стало очень тихо.

Я медленно и добросовестно сосчитал про себя аж до пятнадцати, когда, наконец, услышал женско-визгливое:
– Доча, ты чё? Ты чего городишь?!

– Чевочка с молочком! А кто каждую ночь верещит из спальни: «Нельзя! Не смей! Только не туда!», а? Могу магнитофонную запись продемонстрировать!

Несмотря на серьёзность и непредсказуемость ситуации, я не удержался от улыбки. Теперь следовало ожидать ответной реплики от «папахена», которая через пару секунд и грянула мужицки-ревуще:

– Люська, дрянь, ты почему не в школе? Совсем охренила?!

– Я такую приправу не употребляю! Это, может, ты уху ел? Судя по характерным звукам, донесшимся из прихожей, на сей раз усмехнулся не только я один. Оскорблённый Пачулин перешел на ломаный бас:

– Почему ты не на уроках, спрашиваю?!

– Я вся простуженно-контуженная и протужённо-заражённая! Соплю из носа показать?

Вот на выделения Люсиной носовой слизистой оболочки я взглянул бы с интересом... Но тут Евгений Иванович, кажется, вспомнил, зачем его выдернули из магазина, и ворвался в комнату, где находился я. Здоровенный, мордатый мужлан с мясистым, потным лицом и пустыми рыбьими зенками...

И застыл – ну, не по стойке «смирно», но очень даже ровно. Вошедшие вслед за ним оба сотрудника милиции с дубинками в руках замерли тоже. Уж кого-кого, а майора одного из спецназов МВД в полной форме и при медалях-орденах они явно не ожидали увидеть.

Протиснувшаяся откуда-то сбоку, Люся раскрыла от удивления рот с поразительно чистым розовым языком. Восторженно выдохнула: «Вот это да-а!..» Я не стал её разочаровывать: медленно шагнул к оперативникам и продемонстрировал им свое раскрытое удостоверение. Последовали озабоченные переглядки.

Гражданину Пачулину, не удостоенному этой чести представления, я, немного помедлив, передал копию его злощастной долговой расписки. Чем мгновенно привёл в состояние неопишуемой ярости:

– Ах ты, паскуда! Шестёрка нефиловская! Ну, я тя ща!..

Я слегка отступил в сторонку и назад, понимая, что Евгению Ивановичу прямо-таки не терпится испытать на мне свой «прямой правой». Он и попытался проделать это в такой последовательности: сначала крупно шагнул вперёд, потом развернул корпус вправо, потом начал замахиваться во всю мочь... Потом я нырнул под его левый локоть и одним движением подсёк сзади обе его ноги. Довольно высоко задрав их, Пачулин грохнулся спиной о пол и, кажется, вышиб из своих легких весь воздух. Еще и крестец отбил бы весьма качественно (и ковер не помог бы!), но я его предусмотрительно страховал.

Вот теперь оперов приходилось опасаться всерьёз: сбитые с толку, они могли немедленно вмешаться с непредсказуемыми последствиями. Но вновь, как нельзя кстати, помогла неугомонная Люська, которая вынырнула прямо перед ними

на первый план и ликующе захлопала в ладошки. Затем она подбежала к поверженному отчиму, поставила свою ножку на его объёмистое брюхо и застыла в наполеоновской позе победительницы. К моему удивлению, оба милицейских сотрудника откровенно ухмыльнулись.

А ведь это означает, что они не из «бригады», подумалось мне. Просто оказались под рукой – вот их и направили к Пачулину оказать помощь и содействие. Если так, то ещё одна удача.

– Вот что, бойцы, – я обратился к ним, – какое именно распоряжение вам отдали?

– Доставить в участок, – коротко ответил старший по возрасту, разумно уклоняясь от любой конкретики. Я покачал головой:

– Ответ меня не устраивает. Просто в участок – или лично к подполковнику Григуленко?

Снова быстрые переглядки – теперь уже вполне определённые – после чего прозвучало лаконичное: «К нему».

– Очень хорошо, мне это подходит, – сказал я. – Пора уже с Григорием Трофимовичем встретиться tete-a-tete и всё обсудить! Поехали.

Ошибки не было: на лицах «бойцов» читалось явно облегчение по поводу удачно разрулившейся напрочь непонятной ситуации. Тогда, наклонившись к смирно лежавшему Пачулину, я отдельно сказал:

– Подумай до завтра, придурок. Если, конечно, у тебя

в башке есть, чем думать. При полном отсутствии умишка возьми чуток займы хотя бы у своей падчерицы.

Донельзя польщённая Люся побежала меня провожать, а у выхода даже отдала честь. Правда, как-то странно: немножко по-военному, немножко по-фюреровски... Ладнонью вперед, но у самого виска.

Мамаши не было видно.

На улице житейский карточный расклад стал окончательно ясен: у милицейских не оказалось своей машины! Стало быть, Пачулин созвонился с Григуленко, тот выделил двух парней из числа свободных – и вся недолга. Очень несерьёзно, чистейшая провинциальная любительщина.

«Моторола» быстро и качественно соединила меня с дежурившим неподалеку Нечитайло, и через минуту Тарас Давыдович подрулил к нам на своей сверкающей черной «Волге». Он был тоже в майорской форме, но армейской. Что могло пригодиться при попытке задержать меня силовым способом.

Теперь уже переглянулись мы – и едва заметным кивком Нечитайло дал понять, что Канер на своих «Жигулях» остался «слушать» пачулинскую квартиру. Там наверняка сегодня устроят военный совет...

До УВД Октябрьского района славного города Ольгова оказалось недалеко-неблизко: минут десять резвой езды в дневную пору. Вид его был стандартным: унылое трёхэтажное здание с переходом на втором уровне в другую точно та-

кую же трёхэтажку. Небольшой парк личных и служебных автомобилей перед входом, забор из дырявой сетки-рабицы... Откровенно небогато по сравнению с областной милицейской конторой, которая роскошествовала в парочке пре-красных «сталинок» отменной сохранности и ухода.

Дежурная девица спокойно пропустила нас через «вертушку», ничего не спросив – обычное дело. Точно так же спокойно мы поднялись на самый верх и остановились перед скромным кабинетом с ничего не говорящим номером «13». Любопытно! Я ожидал увидеть вывеску, которая начиналась словом «Начальник...» или хотя бы «Заместитель начальни-ка...»

Сопровождавшие меня «бойцы» попросили обождать минуточку (даже присесть было некуда!), а сами скрылись за дверью с несчастливым числом на коричневой обивке. Хотя для кого как – у всех людей разные покровители...

Предложенная минутка довольно быстро повторилась пятитикратно, а потом и еще столько же. Очень даже понятно: связно изложить происшедшие события было бы несложно, если не упоминать про обвинения прогуливавшей занятия школьницы Людмилы и не повторять глупости её маменьки Василисы. Судя по временным затратам, про всё это не просто упомянули, а рассказали в подробностях.

Наконец, дверь приоткрылась, и меня пригласили войти. Одного взгляда, брошенного на скромную обстановку небольшой комнаты, мне хватило, чтобы понять: подполков-

нику Григуленко оставалось быть в доблестных милицеевских рядах не так уж и долго. Что, впрочем, не делало его менее опасным: я почти ничего не знал ни о его делах, ни о связях – тут даже Ренате пришлось отступить. Правда, кое-что она всё-таки нашла.

А вот выглядел хозяин кабинета впечатляюще – хотя отнюдь не в положительном смысле. Одновременно крупный и приземистый, но без брюшка; с грушевидной щекастой головой при плотном ёжике темных волос с заметной сединой, он напоминал сразу и гоголевского Собакевича, и щедринского Угрюм-Бурчеева. Вопрос, чего в нём было больше: кулацкого корыстолюбия или солдафонской тупости?

Я подошел вплотную к его столу и вновь развернул своё удостоверение. К нему почти сразу протянули руку – мощную, хватистую, похожую на пятипалую клешню, обтянутую кожей в багровых пятнах. Противиться не было смысла: захочет – отберёт.

Григорий Трофимович изучил мой документ очень внимательно и даже понюхал. Затем он несколько раз медленно и ритмично постучал им по столу, не сводя с меня своих маленьких, глубоко посаженных чёрных глаз. Скосил их чуть в сторону и сказал сотрудникам:

– Обождите внизу.

Когда за ними закрылась дверь, Григуленко указал мне на стул напротив и вновь погрузился в молчание. Я вдруг ощутил тревогу: в этом мужичке чувствовалась тяжёлая,

злая сила, которую пока что контролировали. Стало быть, начинать разговор придется мне – не стоит задевать его значительность, реальную или мнимую.

Однако он меня опередил. Спокойным голосом, чуть ли не сочувствующе, сказал:

– Надо же: элитное подразделение, боевой офицер, правительственные награды... И вдруг вульгарный рэкет! Как же ты докатился до такой жизни?

Опасен. Очень. Как с ним держаться – пока непонятно.

– Деньги срочно понадобились, – как бы извиняясь, сообщил я. – Собираюсь вот в ваших краях якоря бросить. Стало быть, траты предстоят...

– Осесть у нас – это запросто, – согласно кивнул Григуленко. – В два счёта. И надолго. Только не в самом Ольгове, а малость севернее – скажем, близ поселка Болотинска. Там очень хорошее ИТУ имеется – можно сказать, образцово-показательное! «Ментовская зона» – как раз для тебя.

– Опомнитесь, уважаемый, – снисходительно бросил я, – да кто ж вам позволит меня тронуть? Я хоть и не Джеймс Бонд с лицензией на убийство, но по мелочи могу нарушать Закон без особых для себя последствий. Тем более, при таких щекотливых обстоятельствах, когда замараны и сами потерпевшие, и их покровители. Может, поговорим серьёзно и на перспективу?

– Насчет высоких материй чуток погодим – нужно сперва в нижних пределах разобраться, – подполковник внуши-

тельно покачал указательным пальцем. – В течение пары часов вот на этот стол ляжет заявление потерпевшего и рапорт моих парней – сам понимаешь, там может быть *такая* версия событий изложена, что твоё начальство крепко в темечке чесать начнёт. Свидетели против тебя имеются железные: и незаконное проникновение в чужое жильё подтвердят, и угрозы, и, собственно, избиение больного человека. Людку Пачулину с её бреднями по малолетству никто слушать не будет, сам понимаешь... Так что влип ты очень надёжно. Перенаглел малость, как в народе говорят.

– Но это ж второе счастье! – улыбнулся я. – Как тоже говорят в народе. А вообще умелец вы, Григорий Трофимович! Настоящий профи. Наверное, мастерски допросы вели, да? А уж как в Усть-Нельме вас побаивались! Помните?

Будь у меня нервы послабее – я бы точно отшатнулся назад. Потому как человек, сидевший напротив меня, враз исчез, и на его месте возник зверь в мундире. Помесь кабана с медведем.

Рената предупредила при подготовке, что этот лагерь республики Коми можно лишь упомянуть – и не больше. Вся информация: девять лет назад там произошёл кровавый бунт заключённых, который отпрыгнул к служившему в лагерной администрации майору Григуленко сменой одной звезды средней величины на четыре маленькие. И никаких подробностей, ни малейших. Однако, судя по «ряду волшебных изменений милого лица», дело было грязное.

Мы смотрели друг на друга в упор, не отрываясь, минуты две, после чего я заметил:

– Вас по-прежнему тянет беседовать на грустные темы? Меня лично нисколько. Правда, насчёт веселья не обещаю, но настроение вам поднять могу. Если сойдёмся во мнениях, конечно.

Кабаньи черты из облика милейшего подполковника постепенно исчезали, зато медвежьего нисколько не уменьшилось. Очень похожим голосом мне рыкнули:

– Начинай, а я послушаю.

– Закурить можно?

– Можно козу на возу, но и то лишь с разрешения хозяйна. Нет.

– А что так? У вас тоже туберкулёз? Как и у записного проходимца Евгения Пачулина?

Пора и мне характер показать. Иначе заломает, не ровен час.

Григуленко приподнял верхнюю губу, показав улыбку (зубы у него были мощные, белые и в полном порядке), затем спрятал её. Сказал спокойно:

– Как заметил некогда Монтень, беда не в том, если человек невзначай сморозит глупость – беда, когда он это делает торжественно... Впрочем, на первый раз забуду, но впредь дерзить не советую. Ты в моих владениях и провинился к тому же, а не наоборот.

– Очень сожалею, но беседа будет продолжена только

на равных. Так что выбор за вами. Но в любом случае рекомендую магнитофонную запись не вести, если таковая ведётся. Это в ваших и только в ваших интересах.

Еще несколько минут кануло в небытие при напряжённом молчании обеих сторон – меня прилично озадачило упоминание французского философа, а неожиданный его знак, очевидно, размышлял над моим предупреждением. Наконец, он сунул, не глядя, руку в один из ящиков стола, и там что-то глухо щёлкнуло.

– Разумный подход, – похвалил я, – теперь можно приступать к главному. Итак, некоторое время тому назад в Ольгове была создана обычная коммерческая фирма «Посредник». Необычное же заключалось в том, что с самого начала её деятельность частично контролировала одна из государственных спецслужб – в детали вдаваться не буду, потому как сам знаком с первоначальным замыслом лишь в общих чертах. Отмечу, что задачи ставились чисто информационные. И вот настало время, когда к проекту было решено подключить и нас, то есть силовое ведомство. Фирму перерегистрировали под новым именем «Ли Ле Ло» – название абсолютно условное, вполне могли бы окрестить и «До Ре Ми»... Я – один из её сотрудников с особыми полномочиями, скажем так.

– Направление деятельности – криминал? – уточнил Григуленко. Я покачал головой:

– В очень малой степени. Главное – это присмотр за все-

возможными сепаратистами и фундаменталистами.

– У нас с этим спокойно...

– Пока да. Однако многие критические трассы проходят именно через эту Автономию. Между прочим, – (тут я подался вперёд и понизил голос), – ваш Пачулин хранит у себя ваххабистскую литературу...

Подполковник вздрогнул, а затем снова полез в ящик стола – надо полагать, чтобы теперь отключить магнитофон на самом деле. Покончив с этим, он коротко ругнулся и сказал:

– Дурочку-то не гони...

– Не имею привычки этим заниматься. Не хотите ли обыск у него провести?

– Не хочу. Так вот, значит, какими методами вы работаете!

– Можно подумать, что у вас они другие! Или «стволы» и наркоту никогда не подбрасывали?

Григорий Трофимович снова выругался – теперь уже вполне разборчиво. Пожевал губами, пожимал кулаки. И молвил уже с заметной досадой:

– Ну на кой хрен вам Женька сдался? Или пора отчёт гнать наверх о геройски проделанной работе по внедрению и выявлению?

– Не угадали, – возразил я. – Вернее, забыли, что мы ведь ещё и коммерсанты! И в данном конкретном эпизоде выступаем по сути в качестве коллекторов – только реальных воз-

возможностей у нас побольше. Нефилов обратился к нам насчёт возврата долга за щедрые комиссионные – ну вот для Пачулина и настал момент истины.

– А ежели он с перепугу заяву прямо в прокуратуру настрочит?

– Сегодня вряд ли, – усмехнулся я. – Ему предстоят другие хлопоты...

И тут словно по заказу в стеклянной подставке на столе заверещал хозяйский «Сименс». Как оказалось, он был настроен на громкую связь – и в комнату бурно ворвался неповторимый речитатив Василисы Пачулиной:

– Гриша? Гриня, это ты? Отзовись, Гриша! У нас только что девка из шкафа вылезла! Смуглая, страшная, в чёрной коже! На Женечку наезжает! Денег требует! Яйца грозит ему оторвать! А как же я...

Объяснить в подробностях, как плохо живётся чувственной жене без любимых мужниных достоинств, ей не дали, решительно выключив аппарат. После чего сердито уставились на меня. Я развел руками:

– Работаем, Григорий Трофимович, работаем! Только Василиса Дормидонтовна безбожно преувеличивает насчёт угроз: капитан Особого отдела Рената Цейс никогда не пугает – она сразу действует. Кстати, не хотите ли взглянуть, как мы трудимся на пару во благо государства? Вот флэшка, видео вполне качественное, 640 на 480...

Я не сомневался, что подполковник и с компьютером

умеет обращаться на уровне продвинутого юзера, и всё же не ожидал, что вместо «Windows» у него бодро начнет грузиться «Mandriva Linux». Нет, никакой это не Собакевич и уж тем более не Угрюм-Бурчеев. Городничий, никак не меньше – причём в пору своего расцвета, когда он губернаторов запросто обманывал...

– Очень даже неплохо, – подытожил Григуленко, когда погасли последние кадры двенадцатиминутного смонтированного ролика. – Только рановато ты из-за стойки высунулся – вполне мог с двух сторон по горсти картечин схлопотать! Справа стопудово достали бы. Девочка-то похладнокровнее будет. Если это она сейчас задушевно беседует с Евгением Ивановичем – я ему точно не завидую... Кстати, а что это вы: в таких серьёзных званиях – и вдруг в качестве простых исполнителей? Тут и молодых парней с двумя «брызгами» на погонах вполне хватило бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.